

КИРРА
Вейн

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирра Вейн

Моё влечение

<https://litres.ru/74410812>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — тихая студентка медицинского, чья жизнь состоит из лекций, смен в кафе и одиночества в съёмной квартире. Он — командир спецотряда «Альфа», привыкший действовать жёстко и без колебаний. Их встреча не была случайной — это была чудовищная ошибка оперативников.

Они из разных миров.

Она — невинная, ни разу не знавшая любви.

Он — смертоносная машина, не знающая слабости.

Но когда их глаза встречаются во второй раз, становится ясно: эта «ошибка» изменит всё.

Любовный роман о том, как случайная встреча может стать началом чего-то большего, чем любой из них мог предположить. И о том, что даже у самых крепких бронированных сердец есть трещина.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	64
Глава 11	70
Глава 12	78
Глава 13	84
Глава 14	91
Глава 15	101
Глава 16	113
Г	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Кирра Вейн

Моё влечение

Глава 1

Лекция по патофизиологии тянулась бесконечно. Профессор Семёнов, старый педант с вечно недовольным лицом, монотонно вещал о механизмах развития отёка лёгких, а я механически конспектировала, хотя мысли были далеко. Запах формалина и старой бумаги в аудитории смешивался с чужими духами и дешёвым кофе — классический коктейль любого медицинского вуза.

— Юля, ты слушаешь? — толкнула меня в бок соседка Анька. — У тебя глаза остекленели.

— Слушаю, слушаю, — соврала я, поправляя очки. На самом деле я уже час думала о том, что после пар — сразу в «Кофе и Круассаны», и смена обещает быть адской. В пятницу вечером всегда полно клиентов, а Миша, мой напарник по смене, опять будет приставать с дурацкими шутками.

— Гидростатический фактор, — бубнил профессор, тыкая указкой в слайд. — Повышение давления в капиллярах...

Я вздохнула. Двадцатый год жизни, третий курс меда, работа официанткой и съёмная квартира, которую оплачивают родители. Без них я бы не справилась. Спасибо им, огромное

спасибо, особенно когда в общежитии мне не нашлось места, а стипендия — смешные копейки. Каждый вечер, возвращаясь в свою маленькую студию на окраине, я чувствовала себя благодарной до дрожи. Даже если за окнами шумно и соседи сверху вечно передвигают мебель.

В «Кофе и Круассаны» я влетела за пятнадцать минут до начала смены, переоделась в форменную рубашку и чёрные брюки, стянула волосы в тугий пучок. Уже через час ноги гудели, через два — к ним присоединилась поясница. Заказы сыпались один за другим: капучино, латте, раф, круассаны с шоколадом, вишнёвый пирог. Улыбаться, улыбаться, улыбаться — главное правило официантки.

— Юль, ты сегодня просто богиня, — прошептал Миша, когда я проносила мимо него с подносом, уставленным чашками. Он подмигнул, нагло оглядывая меня с ног до головы. — Может, после смены выпьем кофе? Я угощаю.

— Миша, у меня нет времени, — ответила я даже не оборачиваясь.

— Ну вечно ты занята. Может, всё-таки дашь мне шанс? Я закатила глаза, надеясь, что он не заметит. Миша был хорошим парнем, симпатичным, даже забавным, но внутри меня ничего не дрожало, когда он смотрел так. Вообще никогда ни с кем не дрожало. Я не была хладнокровной или закомплексованной — просто ни разу за двадцать лет не встретила человека, к которому захотелось бы прикоснуться по-

настоящему. Я ждала, сама не зная чего. Наверное, какого-то щелчка, искры, чтобы вдруг поняла: «Это он».

Но Миша точно был не он.

— Отстань, а? — устало попросила я, поставив поднос на стойку. — Я хочу дожить до конца смены без твоих подкатов.

— Жестокая ты, — усмехнулся он, но отошёл.

Смена закончилась в 22:00. Я выдохнула так, словно меня отпустили из заложников. Переоделась, накинула куртку и поплелась к остановке. Автобус был полупустым, за окном мелькали огни ночного города, и я чувствовала, как усталость разливается по телу тягучим сиропом. Голова гудела, ноги ныли, хотелось только одного — рухнуть в кровать и не вставать до завтрашнего вечера.

Дома в 23:39, в своей маленькой студии, я первым делом скинула одежду в корзину для стирки, включила воду в душе и встала под горячие струи. Пар окутал меня, смывая запах кофе, молока и усталости. Завтра выходной в универе, только на работу вечером, можно поспать часов до одиннадцати. Может, даже сходить в парк, если погода позволит.

Вода шумела, я прикрыла глаза и почти провалилась в дрему, когда поняла, что забыла взять с собой одежду. И бельё. Чёрт. Чёрт-чёрт-чёрт.

Я выключила воду и выругалась вслух:

— Ну, Юля, ты и растяпа...

Из ванной было не выйти без полотенца — холодно, особенно в марте, когда батареи греют едва-едва. Я завернулась

в большое махровое полотенце, закрепила его у груди и шагнула в коридор.

Тишина.

И вдруг — скрежет. Со стороны входной двери.

Я замерла. Сердце ёкнуло, а потом загрохотало где-то в горле. Я не успела даже вдохнуть, как дверь с грохотом распахнулась, и в коридор ворвались люди. Много людей. Чёрные балаклавы, чёрная форма, оружие в руках — короткие автоматы, пистолеты. Они двигались быстро, бесшумно и слаженно, как машины.

Я открыла рот, но звука не вышло. Восемь человек. Восемь вооружённых мужчин в моей маленькой квартире. Я в одном полотенце, мокрая, беззащитная, на грани того, чтобы закричать, но голос застрял где-то внутри — в ужасе, который сжал горло ледяной рукой.

— Стоять! — рявкнул кто-то. Голос низкий, жёсткий, режущий, как лезвие. — Не двигаться!

Я попятилась назад. В следующую секунду кто-то оказался рядом, схватил за плечи и прижал к стене так, что я ударилась спиной о стену и не могла пошевелиться. Холод поверхности прошел по моей спине, прямо между лопаток, и я почувствовала, как дрожь пробегает по позвоночнику.

— Сидеть! — приказ повторился, и меня грубо потянули вниз.

Я осела на пол, прижимая к груди мокрое полотенце, которое всё ещё держалось, но только чудом. Слезы хлынули

сами собой, дыхание сбилось. Я не понимала, что происходит. Это грабёж? Ошибка? Они не похожи на обычных бандитов — слишком вышколенные, слишком быстрые.

Кто-то из них прошёл в квартиру, я слышала шаги, звуки передвигаемой мебели. Кто-то остался в коридоре, и я чувствовала на себе взгляд. Один из них — тот, что прижал меня к стене, — стоял рядом, и я видела его глаза сквозь прорези в балаклаве. Они были светлыми. Серебристо-серыми. И смотрели на меня в упор. Я не могла разобрать, но этот взгляд пронзил страх, на секунду заставив забыть об оружии наведенном на меня.

— Чисто, — доложил кто-то.

— Проверь ванную, — бросил тот, сероглазый.

Я всхлипнула, пытаюсь взять себя в руки, но истерика уже подкатывала к горлу.

— Пожалуйста... — выдавила я. — Что происходит? Пожалуйста, я ничего не сделала...

Сероглазый наклонился ко мне. Его лицо было в двух сантиметрах от моего — балаклава, прорези, эти странные глаза. От него пахло порохом, потом и чем-то острым, как металл.

— Заткнись, — сказал он тихо, но так, что у меня мурашки побежали по коже. — Сейчас разберёмся. Сиди и не дёргайся.

Я замерла. В его голосе не было угрозы, но было что-то другое. Что-то, что я не могла объяснить. Он снова посмотрел

рел на меня, и на этот раз я заметила, как его взгляд на секунду задержался на моём лице, на мокрых волосах, на полотенце, которое я судорожно прижимала к себе. Оно немного съехало, что едва не оголилась грудь.

И вдруг я увидела, как его глаза расширились. Всего на мгновение. Исчезло всё напряжение, вся эта военная выправка. На долю секунды он выглядел... растерянным. Потом маска вернулась, но что-то изменилось. Я не знала, что, но воздух между нами стал другим.

— Командир, — позвали его.

— Докладывай.

Он выпрямился, отступил на шаг, но ещё раз бросил на меня быстрый взгляд — такой же странный, как тот первый.

— Задержите объект, — произнёс он в рацию. — Она одна.

Глава 2

Я сидела на полу в коридоре, прижимая к груди мокрое полотенце, и дрожала так, что зубы выбивали дробь. Слезы текли ручьём, размазывая по лицу остатки туши, которую я похоже плохо смыла. В голове была пустота, перемежающаяся с диким, животным ужасом. Я не могла собрать мысли в кучу — они разлетались, как испуганные птицы, и каждая билась о черепную коробку с одним и тем же вопросом:

Что блин происходит?!

Восемь вооружённых мужчин в моей квартире. Моя квартира, где ещё час назад пахло моим шампунем и уютом, теперь напоминала поле боя. Они рылись в моих вещах. Я слышала, как открываются ящики комода, как шуршит одежда в шкафу. Кто-то прошёл на кухню, звякнула посуда.

Отряд начал постепенно покидать квартиру — выходили в подъезд, переговаривались короткими, жёсткими фразами. Двое остались в комнате, один стоял у входа, прикрывая дверь. Но главный, тот самый сероглазый, не уходил. Он стоял надо мной, возвышаясь, как скала, и я заметила нашивку на его плече: «Альфа». Спецотряд? Военные? Полиция?

— Ты одна живёшь? — спросил он. Голос стал чуть тише, чем когда он приказывал мне заткнуться, но всё ещё жёсткий, как стальной трос.

Я судорожно кивнула, шмыгнув носом.

— Да, — выдавила я. Голос дрожал, срывался на писк.

Он наклонил голову, и в прорезях балаклавы блеснули его серые глаза. Он смотрел на меня так пристально, что мне стало не по себе.

— Где Алпатов?

Я моргнула, пытаюсь понять, о чём он говорит.

— Кто?

— Не притворяйся, что не знаешь, — прорычал, явно раздражаясь. — Где он?

— Я правда не знаю, о ком вы! — выкрикнула я, и слёзы хлынули с новой силой. — Я никого не знаю!

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.казалось, что сканирует каждую чёрточку моего лица, каждое движение. Я не отводила глаз — не могла, меня просто парализовало.

— Командир, — кто-то из его людей подошёл к нему и протянул папку. Мои документы. Я узнала обложку своего старого паспорта.

Он взял его, открыл. Чёрт. Они рылись в моих вещах. Моих личных вещах. Всё перевернуто вверх дном. Мой маленький мирок, моя крепость, моя безопасность — всё разрушено за какие-то пять минут.

— Юлия Михайловна Демидова? — прочитал он.

— Да, — ответила я, шмыгнув носом.

— Двадцать лет. Место рождения — Красноярск?

— Да...

— В Москве что делаешь?

— Студентка... Медицинского... Я учусь...

Он закрыл паспорт и посмотрел на меня снова. В его глазах мелькнуло что-то — неуверенность? Сомнение? Я не могла разобрать.

В этот момент в квартиру вбежал один из его людей — высокий, плечистый, с автоматом на груди. Он подскочил к сероглазому и что-то зашептал ему на ухо. Я видела, как тот резко обернулся к нему. Его плечи напряглись, кулаки сжались.

— Вы что, блядь, охуели?! — заорал он так, что я вздрогнула и вжалась в стену. Голос гремел, отражался от стен маленькой квартиры. — Это что за проёб?! Совсем ебанулись?!

Они вышли оба в подъезд, и дверь за ними захлопнулась. Я осталась одна в квартире. В тишине, нарушаемой только моим всхлипыванием и стуком собственного сердца, которое колотилось не переставая.

Я посмотрела в комнату. Всё было перевернуто. Мои учебники разбросаны по полу, постель смята, ящики комода выдвинуты. Везде беспорядок. А я сижу на холодном полу, мокрая, в одном полотенце, и дрожу так, будто на мне ни грамма одежды. Беззащитная. Маленькая. Испуганная до чёртиков.

Истерика накрывала меня с головой, и я уже не могла её сдерживать. Я плакала навзрыд, закрыв лицо руками, не в силах остановиться. Трясло всё тело, дыхание сбивалось, в

груди разрастался тугой комок боли и страха.

Дверь снова открылась.

Я подняла голову. Сероглазый вернулся. Он вошёл в квартиру, закрыл за собой дверь и остановился в проходе. Секунду он просто смотрел на меня. Потом — медленно, почти осторожно — подошёл ко мне.

Мужчина опустил на корточки передо мной, и теперь его лицо было на одном уровне с моим. Я видела каждую морщинку вокруг его глаз, каждую ресницу. От него всё ещё пахло порохом и потом, но в этом запахе уже не было угрозы. Или мне так казалось, потому что я была на грани обморока.

— Юлия Михайловна, — начал он, и голос его звучал официально, сухо, почти по-военному. — Я приношу вам свои искренние извинения от лица нашего подразделения. Произошла досадная ошибка. В связи с определёнными обстоятельствами нам был передан неверный адрес объекта. Мы ворвались к вам по ошибке.

По ошибке.

Я смотрела в его светлые глаза и не верила своим ушам. По ошибке. Восемь вооружённых людей ворвались ко мне в квартиру с оружием, перевернули всё вверх дном, довели меня до истерики — и это была ошибка?

— По... ошибке? — прошептала я, голос сорвался на новый всхлип. — По ошибке?! Боже... Я думала, вы меня убьёте! Я думала...

Я не договорила. Меня накрыло новой волной рыданий,

и снова закрыла лицо руками. Я не могла дышать, воздух застревал в груди, слёзы текли сквозь пальцы.

И вдруг я почувствовала, как что-то во мне переключилось. Какой-то животный, инстинктивный порыв. Мне нужно было прикосновение. Человеческое, тёплое, настоящее. Чтобы кто-то обнял меня, чтобы я почувствовала, что не одна, что я жива, что это не сон.

Не знаю, что на меня нашло. Может быть, шок.

Я резко придвинулась к нему, прямо на коленях, и обхватила его руками за шею.

Он застыл. Всё его тело напряглось, как стальная пружина. Я ощутила, как под его формой перекачиваются мышцы — каждая, до единой. Он не дышал. Секунду, другую. Я вцепилась в него, прижимаясь всем телом, мокрые волосы прилипли к его плечу, полотенце сползло чуть ниже, но я не обращала на это внимания. Просто хотела, чтобы кто-то держал меня. Чтобы страх отпустил.

И — о, боже — он медленно, очень медленно, поднял руки и обнял меня в ответ. Сначала неуверенно, пальцами коснулся моей спины, а потом сильнее, притягивая к себе. Его ладонь легла мне на затылок, другая — на талию, и он прижал меня к своей груди.

Я чувствовала, как бьётся его сердце. Стучит быстро, ровно, но чуть быстрее, чем у обычного человека. Или это моё так колотится, и я просто путаю?

— Тише, — сказал он негромко, почти шёпотом. — Тихо.

Всё уже позади.

Его голос изменился. Стал мягче, глубже, и в нём прорезалась та самая нотка, которую я не могла объяснить.

Уткнулась лицом в его плечо и заплакала ещё сильнее.

И я вдруг поняла: я никогда не обнимала мужчину вот так. По-настоящему.

Он чуть отстранился, заглянул мне в глаза. Светлые, почти прозрачные, с серебряными искрами. И в них больше не было холода. Только лёгкое замешательство.

— Всё хорошо, — сказал он, успокаивающе. Но как будто не меня, а себя.

Мы смотрели друг на друга. Тишина повисла между нами.

— Ты в порядке? — спросил он. И перестал говорить официально. Просто «ты».

Я кивнула, вытирая слёзы.

— Д-да...

Он медленно убрал руки, и я почувствовала, как холод снова возвращается на то место, где только что было тепло его ладоней.

— Нам нужно уходить, — сказал он, поднимаясь. — Это всё было ошибкой. Мне правда жаль.

Он повернулся и направился к двери.

— Пойдите! — крикнула я, сама не зная зачем.

Он остановился, но не обернулся.

— Кто...? Кто вы? — пробормотала я.

Мужчина в форме замер на секунду. Потом медленно по-

вернул голову, и я снова увидела его серые глаза.

— Альфа, — сказал он. — Мы Альфа.

И вышел, закрыв за собой дверь.

Я осталась одна среди разгрома, в мокром полотенце, с дрожащими руками и бешено колотящимся сердцем.

Глава 3

Я проснулась разбитой.

Тело казалось чужим — тяжёлым, ватным, каждую мышцу ломило так, будто я всю ночь таскала мешки с цементом. И, по сути, так оно и было. Только вместо цемента я таскала на себе вчерашний ужас, который никак не хотел отпускать.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Серая утренняя полутьма за окном, тишина, только изредка где-то за стеной гудит старая труба. Обычное утро. Такое же, как вчера. И позавчера.

Но все же оно не было обычным.

Я с трудом заставила себя подняться. Ноги подкашивались, голова гудела, а в груди всё ещё сидел тот странный комок вчерашнего ужаса.

Я побрела в ванную, даже не взглянув на разгром в комнате. Сил не было. Посмотрю потом, когда мозг начнёт соображать или, когда перестану чувствовать дуло оружия на своей спине. Что-то из этого должно случиться раньше.

Зеркало встретило меня безжалостно.

На меня смотрела уставшая, опухшая девушка с красными глазами, распухшим носом и синяками под глазами такими тёмными, будто их кто-то старательно рисовал акварелью. Волосы после вчерашнего душа высохли кое-как, торчали в разные стороны. Я напоминала себе персонажа филь-

ма ужасов, только что сбежавшего из склепа.

— Какой кошмар, — прошептала я, и голос сел, как у подростка, который перекричал весь концерт.

Я снова залезла под душ. На этот раз без спешки, позволила горячей воде делать своё дело — смывать остатки страха, слёз и дурацкой дрожи, которая до сих пор иногда пробегала по спине. Я стояла под струями, закрыв глаза, и пыталась забыть его взгляд. Но не могла.

Серые глаза. Серебристые. Как осколки льда. И голос, который сначала резал, как лезвие, а потом стал мягче, когда он обнимал меня.

Я выключила воду и с силой потёрла лицо ладонями.

— Прекрати, Юля, — сказала я себе. — Ты его больше никогда не увидишь. Это была ошибка. Обычная ошибка. Успокойся!

Обычная ошибка.

Ага.

Вышла из душа, на этот раз не забыв взять одежду — домашние спортивные шорты и мягкий свитер. Поплелась на кухню, стараясь не смотреть по сторонам, на перевёрнутые ящики и разбросанные вещи. Сначала кофе. Кофе спасёт мир. Кофе спасёт меня.

Я пожарила омлет на скорую руку, заварила крепкий кофе и села за маленький кухонный стол. За окном уже начинало светать, по стеклу стекали капли утреннего тумана. Я сделала глоток обжигающего напитка и потянулась за телефоном.

Экран загорелся. Ни одного сообщения. Конечно. Кому я нужна в восемь утра.

Мысли вчерашнего дня всё крутились и крутились. Как он сказал? Альфа? Я зажмурилась, пытаюсь вспомнить. Точно. Альфа. Как на нашивке.

Открыла браузер и, сама не зная зачем, забила в поисковик:

Альфа спецотряд

Пальцы дрожали, когда я нажала «найти». Внутри всё сжалось от предчувствия.

Гугл выдал результаты, и у меня округлились глаза.

«Группа специального назначения «Альфа» — элитное подразделение. Создано для проведения антитеррористических операций, освобождения заложников, нейтрализации особо опасных преступников...»

Я отпила ещё кофе, но совсем не почувствовала вкуса.

Дальше было ещё страшнее. Операции в горячих точках, обезвреживание бандформирований, специальные задания за рубежом. Кадры с учений — крепкие мужчины в чёрной форме, с автоматами, такие же суровые, как те, кто был у меня в квартире.

«Ого, — подумала я, отставляя кружку. — И это они искали какого-то Алпатова в моём доме?»

Фыркнула, пытаюсь прогнать остатки страха.

— Я ещё та террористка, — пробормотала сама себе с сарказмом. — Студентка медицинского, официантка по вече-

рам и по совместительству враг государства номер один. Сидит в одних трусах пьёт кофе на завтрак. Ну-ну.

Я усмехнулась собственной глупости. Но на душе было беспокойно. Альфа. Он был из этих. Из тех, кто каждый день рискует жизнью. Из тех, у кого вместо обычной жизни — приказы, оружие и смертельная опасность.

И он так бережно успокаивал и обнимал меня.

Я закрыла телефон и убрала его в карман. Хватит.

—

«Кофе и Круассаны» встретили меня привычным гулом посетителей и запахом свежей выпечки. Я забежала в подсобку, переоделась, стянула волосы в пучок и вышла в зал уже через три минуты.

— Юля! Ты как? — Миша встретил меня у стойки, ухмыляясь. — Выглядишь так, будто всю ночь разгружала вагоны. Или не одна разгружала?

Я закатила глаза, но внутри что-то кольнуло. Если бы он знал. Если бы знал, что у меня дома вчера реально всё разгружали. С автоматами и балаклавами.

— Хватит, Миш, — устало бросила я, беря блокнот для заказов. — Давай работать. Просто не выспалась. За ночь отосплюсь.

Первые часы прошли спокойно. Я разносила заказы, улыбалась, записывала, считала сдачу. Но внутри всё равно был этот странный осадок. Я ловила себя на том, что смотрю на мужчин в форме полицейских, которых иногда заносило к

нам в кафе. И каждый раз сердце делало лишний удар, когда я видела что-то похожее на чёрную форму.

А потом случился тот самый столик.

За столиком у окна сидела компания — трое мужчин лет под сорок, дорогие костюмы, золотые часы, запах дорогого парфюма. Типичные «бизнесмены», которые чувствовали себя королями мира. Они уже пили вторые кофе, когда я подошла принять заказ на десерт.

— Девушка, — хамовато позвал один из них, не глядя на меня. — Нам ещё два американо. И побыстрее.

— Конечно, — сказала я с улыбкой, записывая.

— И без этой вашей улыбочки, — добавил второй, даже не повернув головы. — Она у тебя фальшивая.

Я сжала ручку в пальцах, но улыбнулась ещё шире.

— Я принесу заказ через пять минут, — сказала и пошла на кухню.

Через пять минут я вернулась с подносом. Аккуратно расставила чашки. Один из мужчин нарочно подвинул чашку так, что я чуть не опрокинула ее.

— Осторожнее, красавица, — хмыкнул он. — Не пролей на нас. Мы, знаешь, не привыкли к дешёвым напиткам.

— Этот кофе, между прочим, с Эфиопии, — сказала я, стараясь сохранять спокойствие. — Свежемолотый.

— А ты разбираешься? — усмехнулся третий. — Интересно. А ещё в чем разбираешься, кроме кофе? Может, разбираешься в том, как обслуживать мужчин?

Он подмигнул своим приятелям. Те заржали.

Меня передёрнуло. Я промолчала, развернулась и пошла на кухню. В груди закипала злость, но я заставила себя выдохнуть. Я устала. Я разбита. У меня вчера чуть сердце не остановилось от страха. И эти придурки позволяют себе такое.

— Юль, ты в порядке? — спросил Миша, когда я забежала на кухню. — Бледная ты какая-то. Может, перерыв?

— Нет, я в порядке, — сказала я, сжав зубы. — Просто клиенты попались.

— Я с ними поговорю, — Миша развернулся, но я перехватила его за рукав.

— Не надо. Я справлюсь.

Я вернулась в зал и доработала до конца смены, упорно игнорируя тот столик. Когда они ушли, я выдохнула с облегчением. Оставили чаевые — пятьдесят рублей. Бизнесмены! Смех, да и только.

В раздевалке села на стул и закрыла глаза. Всё тело ныло. Не физически даже — морально. Я чувствовала себя так, будто меня перемололи и собрали заново, но как-то криво.

Миша зашёл за мной, присел рядом на корточки.

— Юль, что с тобой? — тихо спросил он. — Ты сама не своя сегодня.

Я подняла на него глаза. И вдруг поняла, что он искренне переживает. Но сказать ему правду? Сказать, что вчера в мою квартиру ворвались вооружённые спецназовцы, пере-

вернули всё, а их шкаф командир с серыми глазами обнимал меня на полу, когда я плакала?

Нет. Это бред. Это слишком.

— Всё нормально, Миш, — соврала я. — Просто устала. Завтра выходной, отдохну.

Он смотрел на меня долгим взглядом, потом вздохнул и похлопал по плечу.

— Если что — я рядом, — сказал он и вышел.

А я осталась сидеть в тишине. Погружаясь все больше в свои мысли.

Глава 4

Экзаменационный билет дрожал в моих руках, хотя я старалась держать пальцы неподвижно. Третий вопрос — «Патогенез острой сердечной недостаточности» — я учила вчера до двух ночи, повторяла перед зеркалом, даже Мише в кафе рассказала, хотя он смотрел на меня с таким выражением, будто я говорила на китайском.

— Демидова, — профессор Семёнов поправил очки, посмотрел вверх них с вечной своей брезгливостью. — Что застыли? Готовьтесь.

Я вздохнула, села за парту и закрыла глаза на секунду.

Три месяца. Три месяца прошло с того вечера. И всё это время я пыталась убедить себя, что ничего не было. Что это просто страшный сон, который приснился от переутомления. Ну, знаете, когда студентка-медик засыпает над учебником, мозг выдаёт такие сюрпризы. Восемь вооружённых мужчин? Бред. Сероглазый спецназовец, который обнимал меня на полу? Тоже бред.

И чем больше времени проходило, тем более нереальным казалось то, что случилось. Я почти перестала вздрагивать по ночам от любого шороха. Почти.

— Демидова, не тяните! — гаркнул Семёнов.

Открыла глаза, посмотрела на билет ещё раз и начала отвечать. Голос звучал ровно, я чётко выстраивала патогенети-

ческие цепочки, вспоминала клиническую картину, методы диагностики. Профессор слушал, хмурился, иногда кивал — неуверенно, будто не хотел признавать, что я знаю материал.

— Хорошо, — сказал он, когда я замолчала. — Достаточно. Четыре.

Я выдохнула. Четыре — это твёрдая четвёрка. Сессия закрыта.

— Спасибо, — сказала я и вышла из аудитории с лёгкой дрожью в коленях.

Летний воздух ударил в лицо жарой, когда я вышла из корпуса. Последний экзамен. Последний! Я не могла сдерживать улыбки, хотя внутри всё ещё жила странная тяжесть. Но сейчас — сейчас я была свободна.

— Юляяяя!

Меня сбили с ног практически. Точнее, сбило что-то визжащее, розовощёкое и очень родное.

— Анька! — я рассмеялась, пытаюсь удержать равновесие.

Анька, моя однокурсница и главная заводила в группе, вцепилась в меня мёртвой хваткой и затараторила:

— Сдала?! Скажи, что сдала!

— Сдала, — улыбнулась я. — Четвёрка.

— Да! — она подпрыгнула. — Я так и знала! Ты молодец! Теперь всё! Сессия закрыта! Каникулы! Лето! Свобода!

— Ань, — засмеялась я, вырываясь из её объятий. — Тише ты, люди смотрят.

— Пусть смотрят! — она схватила меня за руку и пота-

щила к лавочке. — Слушай, мы сегодня идём тусить! Я тебя предупредила! Никаких отмазок! Сессия закрыта, последний экзамен сдан, пора расслабиться и насладиться летом!

Вздыхнула. Конечно, она была права. И я устала, так хотелось выдохнуть, и напиться в компании друзей. Но...

— Блин, Ань, я завтра работаю, — сказала виновато. — Рано утром, в десять. Если я сегодня напьюсь или не выплусь — меня управляющий убьёт. Он и так уже замучил меня своими придирами, а если я ещё и вялая буду...

— Ой, ничего не знаю! — Анька упёрла руки в бока и посмотрела на меня с выражением, не терпящим возражений. — Мы молодые! Красивые! Студентки! Мы должны себя порадовать и отдохнуть. Юль, ты весь семестр пахала, ты даже ни разу не вышла с нами. Ни разу! Ты понимаешь? У меня уже подозрения, что ты либо робот, либо скрываешь мужика, от которого не отлипнуть.

Я фыркнула.

— Какой мужик? Ты сама знаешь, что у меня никого нет.

— Вот поэтому идём! — Анька схватила меня за плечи и встряхнула. — Надо исправлять ситуацию! Я нашла новый классный клуб, там клёвая музыка, танцы, молодые люди. Красивые! Нормальные адекватные парни.

Я закатила глаза, но улыбнулась. Она права, нужно отвлечься. Я столько просидела в кафе и в библиотеке, переживая сессию и пытаясь забыть то, что случилось. Забыть страшный сон, который оставил после себя странное после-

вкусие. Три месяца. Три месяца я не позволяла себе даже думать о том дне.

И может быть, сегодня — сегодня я позволю себе просто быть девушкой. Двадцатилетней. Живой. Той, у которой каникулы и море времени впереди.

— Ладно, — сдалась я. — Только я уйду рано! Обещай, что не будешь меня держать до утра.

— Посмотрим! — воскликнула Анька и рассмеялась. — Беги домой, переодевайся, наводи марафет. В восемь у меня на входе. Будь готова!

Она убежала, оставив меня сидеть на лавочке, обдуваемой тёплым ветром. Лето пахло пылью, раскалённым асфальтом и свободой.

Я достала телефон и нажала на контакт «Мама».

Гудки. Два, три. Я уже думала, что она не возьмёт — вечер у них уже. Но на четвёртом гудке трубку сняли.

— Юленька! — голос мамы был тёплым, чуть уставшим после рабочего дня, но таким родным, что у меня на секунду защипало в глазах. — Ну что? Как экзамен? Ты ведь сегодня сдавала последний?

Улыбнулась, садясь в подъехавший автобус. Свободных мест почти не было, я втиснулась у поручня и прижала телефон к уху, стараясь перекрычать гул мотора.

— Мам, я сдала! Четвёрка! Сессия закрыта полностью! — сказала я гордо и радостно, даже несмотря на усталость.

— Ой, доченька, какая ты у меня умница! — мама пря-

мо-таки засветилась голосом. Я слышала, как она улыбается, и от этого становилось тепло на душе. — Я так за тебя рада! Мы в тебе не сомневались даже! Папе пойду скажу. Мы так переживали, всё думали, не тяжело ли тебе одной в Москве...

— Всё нормально, мам, — сказала я мягко. — Справляюсь. И спасибо вам с папой большое, что помогаете мне. Я без вас бы пропала.

— Глупости, — фыркнула мама. — Ты наша дочь. Мы всегда поможем. Ты только, пожалуйста, не переутомляйся там, ешь нормально, не сиди на одних бутербродах.

— Ма-а-ам, — протянула я, закатывая глаза, но с улыбкой. — Я уже взрослая..

— Взрослая, — одобрительно сказала мама. — А как работа? Всё ещё в этом кафе?

— Ага, — вздохнула я. — В целом — ничего. Нормально.

— Ну ладно, — мама, кажется, почувствовала, что я не хочу продолжать эту тему. — Ты к нам приедешь на каникулы? Мы соскучились. Папа говорит, что вареники с вишней будет делать, как ты любишь.

Я улыбнулась, и глаза снова защипало. Как же я по ним скучала. По домашнему уюту, по маминым пирогам, по тому, как папа шутит за ужином.

— Конечно, приеду, — сказала я. — Через пару-тройку недель, как улажу все дела. Сегодня еду с Анькой на вечеринку. Мы закрыли сессию и решили отметить. Я, наверное, поздно вернусь.

— Вечеринка? — мама засмеялась. — Это хорошо! Молодость надо проживать, Юль. Не сиди в четырёх стенах. Только не пей много, и смотри, чтобы кто-то проводил тебя до дома.

— Мама, я не маленькая, — засмеялась я.

— Я знаю, знаю, — вздохнула она. — Просто я всегда буду переживать. Ты же моя доченька. Малышка.

— Мам, я люблю тебя, — сказала я тихо. — И папу. Передайте ему привет.

— Обязательно, — голос мамы стал мягче. — И ты береги себя. Слышишь? Если что-то случится, звони сразу. В любое время.

— Хорошо, мам. Слышу.

— Удачи тебе, дочка. И пусть вечер будет хорошим.

— Спасибо, мамочка. Пока.

Я сбросила вызов и убрала телефон в сумку. Автобус качнуло на повороте, и я взялась за поручень крепче. За окном мелькал город, люди куда-то спешили, жизнь кипела.

Странное чувство — смесь уюта от маминого голоса и предвкушения от предстоящего вечера — разливалось в груди. Я улыбнулась своим мыслям.

«Молодость надо проживать», — сказала она.

Я смотрела в окно, на проплывающие мимо дома, и впервые за три месяца позволила себе ни о чём не думать. Просто ехать навстречу чему-то новому.

Три месяца. Как странно. Всё уже не так ярко. Тот вечер

казался сном — размытым, нереальным, каким-то чужим. Иногда я просыпалась и пыталась вспомнить цвет его глаз. Серый. Нет, серебристый. С синевой? Или с зеленью? Я уже не помнила точно.

Может быть, это правда был сон. Может быть, у меня просто сдали нервы. Может быть, сегодня произойдёт что-то хорошее. Может быть, я встречу кого-то. Может быть, я наконец забуду тот странный сон, который снится мне уже три месяца.

Или не забуду. Поживём — увидим.

Автобус остановился на нужной остановке, и я вышла, вдохнула полной грудью тёплый летний воздух и направилась к дому.

Открыла дверь своей квартиры и вошла. За три месяца я всё привела в порядок, купила новый замок, даже переставила мебель. Теперь ничего не напоминало о том вечере. Ничего.

Я подошла к шкафу и задумалась. Что надеть на вечеринку?

Анька сказала, что надо выглядеть красивой.

Вытащила платье, которое давно не носила — лёгкое, летнее, цвета мятной свежести. И почему-то, глядя на себя в зеркало, я подумала:

«А ничего так...»

Я взяла сумку, ключи и вышла из дома, захлопнув за собой дверь.

Глава 5

Музыка гремела так, что вибрация проходила через пол и поднималась по ногам к самому сердцу. Бас бил по барабанным перепонкам, разноцветные лучи света резали полумрак клуба, и в этом хаосе звука и движения было что-то освобождающее. Я пробиралась сквозь танцующую толпу, держась за руку Аньки, которая тащила меня вперёд с упорством маленького бульдозера.

— Сюда! Сюда! Наш столик вон там! — кричала она, перекрикивая музыку, и махала рукой в сторону уютного полукруглого дивана в углу.

Я чуть не споткнулась о чью-то ногу, но удержалась и наконец добралась до компании. Весь наш курс, точнее, вся наша маленькая, но очень дружная группа, была в сборе. Человек двенадцать. Все свои. Тёплые, родные, пусть и немного разные.

— Юлька! Привет! — Ленка, наша отличница, которая сегодня пила вино впервые, Наверное, помахала мне рукой. Её глаза уже блестели, а на щеках горел румянец.

— Приветик! — я села на диван и улыбнулась.

— Здравова! — Коля, высокий парень с вечно взъерошенными волосами, который мечтал стать хирургом, пододвинул мне бокал с пивом. — За нас! Сегодня мы всё! Мы закрыли этот чёртов семестр!

— Ура! — закричали все хором, и я засмеялась, чувствуя, как напряжение последних месяцев отпускает.

На столике уже стояли бутылки с пивом, вином, соком и водой. Кто-то заказал нарезку с сыром, фрукты. Всё было по-простому, по-студенчески, но от этого — ещё теплее.

— Юля, ты всего один бокал? — спросила Анька, с подозрением глядя на мой бокал. — Мы же празднуем!

— Ань, я завтра в десять на работу, — вздохнула я. — Если я сейчас выпью, меня управляющий со свету сживёт. Я же говорила. Он и так замучил меня уже.

— Ой, твоя работа! — фыркнула Ленка. — Скажи им, что ты занята. Что у тебя красивый и таинственный парень. Что ты влюблена до беспамятства и тебе не до работы.

— В кого? — усмехнулась я, отпивая сок. — В учебник по фармакологии?

— Ну, кстати, он толстый и надёжный, — заржал Коля. — В отличие от некоторых.

Все рассмеялись. Я вдохнула полной грудью и почувствовала, что мне действительно хорошо. Просто. Беззаботно. Как в детстве, когда ты не думаешь о завтрашнем дне.

Ребята начали потихоньку расходиться: кто-то уходил на танцпол, кто-то шёл за очередной порцией напитков, кто-то просто болтал у стойки бара. Я сидела, смотрела на всех и улыбалась. Как же я соскучилась по этому. По людям, по смеху, по обычной жизни без забот.

— Юль, пошли танцевать! — Анька схватила меня за ру-

ку. — Живо! Я не принимаю отказов!

— Ань, ну...

— Я сказала — живо! — она рывком подняла меня с места, и я, смеясь, пошла за ней.

Мы танцевали долго, почти час. Я выплеснула всю усталость, всю тревогу от сессии. Пот лился градом, музыка вплеталась в кровь, и я чувствовала себя живой. Настоящей. Мне было так весело...

Когда я вернулась за столик, чтобы выпить воды, я заметила, что Саша странно себя ведёт.

Саша — наш местный «тихоня», умный, спокойный, всегда с книжкой в рюкзаке, никогда не пьёт много, всегда приходит вовремя и уходит вовремя. Он сидел на краю дивана и нервно крутил в руках телефон. Его глаза бегали, он то и дело оглядывался по сторонам, как будто кого-то искал или боялся, что его увидят.

— Саш, ты в порядке? — спросила я, подходя ближе.

— А? — он вздрогнул так, будто я его ударила. — Да, нормально. Всё нормально. Я просто... выйду на улицу, воздухом подышу.

Он резко встал и почти выбежал из клуба.

Я нахмурилась. Странно. Саша никогда себя так не вёл. Может, перебрал? Но он выпил всего бокал пива, я видела.

Через десять минут он вернулся. Бледный, потный, руки дрожали. Он сел на диван и уставился в стол, не говоря ни слова.

— Саш, что с тобой? — Коля тоже заметил. — Ты зелёный какой-то.

— Ничего, — выдавил Саша. — Всё хорошо.

Но это было не хорошо. За следующий час он выходил ещё два раза. Каждый раз возвращаясь всё более напряжённым и испуганным. Я следила за ним краем глаза, но не решалась подойти — он явно не хотел говорить.

Время близилось к часу ночи. Музыка всё так же гремела, но я чувствовала, что пора. Завтра на работу, а если я не высплюсь, меня точно не пощадят.

— Ребята, я, наверное, пойду, — сказала я, поднимаясь. — Завтра рано вставать.

— Да ладно, Юль! — заныла Анька. — Ещё рано!

— Ань, я уже взрослая девочка, — улыбнулась. — И ответственная. Завтра работа.

Она театрально вздохнула, но обняла меня:

— Ладно. Давай, до завтра. Пиши, как доберёшься.

— Конечно, — кивнула я и стала прощаться с остальными.

Когда я вышла на улицу, прохладный ночной воздух ударил в разгорячённое лицо. Я зажмурилась на секунду, наслаждаясь тишиной после клубного шума. Фонари тускло освещали пустую улицу, где-то вдалеке сигналила машина, но здесь было спокойно.

Я достала телефон, чтобы вызвать такси, и вдруг заметила фигуру у тёмного переулка в паре метров от входа.

Саша.

Он стоял, ссутулившись, и что-то говорил какому-то мужчине. Вернее, мужчина орал на него. Он был высоким, крупным, в кожаной куртке, с лицом, которое явно не предвещало ничего хорошего. Он размахивал руками и орал так, что я слышала слова даже с того места, где стояла.

— Ты что, блядь, думал?! Ты мне должен! Ты понял? Думал, что я тебя не найду, урод! Где деньги?!

Саша пятился назад, прижимая руки к груди, будто пытаюсь защититься.

— Я отдам, я отдам, мне просто нужно время...

— Время?! — мужик схватил его за грудки и притянул к себе. — Ты уже год мне должен, щенок! Год!

Я застыла. Сердце бешено заколотилось. Надо что-то делать. Надо подойти, спросить, всё ли нормально. Может быть, вызвать полицию. Но ноги будто приросли к асфальту. «Саш?» — хотела крикнуть, но голос застрял в горле.

Я сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Мужчина всё продолжал орать на Сашку, и тот уже чуть не плакал.

— Саш? — наконец выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Саш, у тебя всё в порядке?

Они оба обернулись на меня. Мужик нахмурился, Саша побледнел ещё больше.

— Это кто ещё? — прорычал мужик, отпуская Сашку, но не сводя с меня глаз.

— Это... это моя однокурсница, — заикаясь, сказал Саша.

— Юль, уходи. Пожалуйста, уходи.

— Я не уйду, пока не пойму, что ты в порядке, — сказала я твёрдо, хотя внутри всё дрожало.

В этот момент с улицы, с громким скрежетом шин, затормозил большой чёрный автомобиль. Внедорожник? Нет, скорее фургон. Затонированный, зловещий, как из плохого боевика.

У меня похолодело внутри.

Дверцы распахнулись, и из машины выскочили пять человек. В чёрной форме. С автоматами. В балаклавах.

Я замерла. Воздух вышибло из лёгких.

«Нет. Только не снова. Пожалуйста, только не снова».

Они двигались быстро, чётко. Никаких криков, только короткие команды. Двое налетели на мужика, повалили его на асфальт, выкрутили руки, защёлкнули наручники. Он что-то заорал, но его тут же заткнули. Ещё двое схватили Сашку, тот даже не пикнул.

— Что вы делаете?! — выкрикнула я, не думая. — Отпустите его! Он ничего не сделал! Саша!

Один из них обернулся. Чёрная балаклава, прорези для глаз. И через секунду он уже был рядом со мной. Большая рука схватила меня за плечо так сильно, что я вскрикнула, и развернула, прижимая к машине.

— А ты кто такая? — прорычал он. Голос был чужим, незнакомым. Не тем. Не его.

— Я... я его подруга! Мы просто... он мой однокурсник!

— закричала я, вырываясь. — Отпустите его! Отпустите!

— Подруга? — он оглянулся на остальных. — У неё документы есть?

— С ней позже разберёмся, — бросил кто-то. — Бери всех троих. Живо!

Меня грубо схватили, заломили руки за спину, сунули в открытую дверь машины. Я ударилась коленями о жёсткий пол, вскрикнула. Рядом со мной запихали Сашку, который уже не сопротивлялся, а просто смотрел в одну точку, и того мужика, который вдруг стал тихим и послушным.

Дверь захлопнулась. Мотор заревел. Машина рванула с места так, что меня бросило на бок.

Я лежала на грязном полу в фургоне, руки болели от грубых захватов, в голове была пустота и паника. Рядом — Саша и мужик. Оба молчали.

— Что происходит? — прошептала я, чувствуя, как слёзы снова подступают к горлу. — Саша, что происходит?!

Он не ответил. Только смотрел вперёд пустыми глазами.

Машина мчалась в ночь, увозя меня неизвестно куда.

Глава 6

Машина тряслась на ухабах, и каждый толчок отдавался болью в моих связанных руках. Я сидела на полу фургона, прижавшись спиной к холодной металлической стенке, и пыталась дышать ровно. Не получалось. Дыхание сбивалось, в груди разрасталась паника, а слёзы всё текли и текли по щекам, хотя я не хотела плакать. Я не хотела показывать им свой страх. Но я не могла его сдержать.

— Саша, — прошептала я в темноте. — Саша, ты здесь? Тишина.

— Саш, пожалуйста, ответь мне! — голос сорвался на всхлип.

— Я здесь, — донеслось откуда-то из угла. Голос был чужим. Не Сашиним. Того мужика, который орал на него. — Твой дружок сыкло, вот и молчит, — усмехнулся тот.

— Заткнись! — крикнула я, и сама удивилась своей злости. — Это ты во всём виноват! Нас везут неизвестно куда!

— Ой, девочка, — усмехнулся мужик. — Ты вообще не понимаешь, во что влезла. Твой дружок должен мне девятьсот штук. А он, видите ли, решил, что может не платить. Ну и похоже решил устроить мне облаву, пидор...

— Замолчи! — заорала я. — Я не хочу знать! Я просто оказалась не в то время и не в том месте! Меня не должны были брать!

В этот момент машина резко затормозила, и я ударилась головой о стенку. В глазах потемнело на секунду.

Дверь фургона распахнулась, и в лицо ударил свежий ночной воздух. Руки, сильные и грубые, схватили меня и вытащили наружу. Я пошатнулась, но меня удержали.

— Саша! — крикнула я. — Саша, где ты?!

— Молчи, — рявкнул кто-то.

Я слышала, как рядом с кем-то возятся. Шуршание ткани, приглушённые голоса.

— Этому на голову надень, — сказал кто-то. — А этой... — голос замялся. — Давайте просто завяжем глаза. Ей не обязательно мешок. Она девчонка совсем.

— Извиняй, девочка, — прошептал кто-то рядом, и я почувствовала, как на глаза натягивают плотную тряпку. — Так надо. Не дёргайся.

Я замерла. Тряпка сдавила глаза, мир погрузился в темноту, и стало ещё страшнее. Я чувствовала, как меня ведут вперёд, как ноги ступают по твёрдому асфальту, потом по бетону, потом где-то захлопнулась дверь.

Запах изменился. Сырость, бетон, металл. Какое-то помещение. Может быть, склад?

— Поднимайся, — скомандовали мне, и я почувствовала, как меня заставляют подниматься по ступенькам. Я спотыкалась, но руки держали меня крепко, почти жёстко.

Потом снова двери. Шаги. Где-то гулко отдаётся эхо. Меня завели в комнату, посадили на что-то твёрдое. Деревян-

ное. Стул. Или скамья. Руки так и оставили застегнутыми за спиной — наручниками.

— Сиди и не рыпайся, — сказал кто-то и вышел. Дверь за ним с грохотом захлопнулась.

Тишина.

Я сидела, дрожа как осиновый лист. Дрожь пробирала до костей, хотя в помещении было не холодно. Страх был животным, первобытным — он сжимал горло, перекрывал дыхание, заставлял сердце биться где-то в горле. Я пыталась дышать глубоко, но каждый вздох давался с трудом.

«Почему я? — думала я. — Почему опять я? За что? Я ничего не сделала! Я просто хотела помочь Сашке! Я просто вышла на улицу!»

Слёзы текли по щекам, пропитывая повязку на глазах. Я не могла их остановить. Я чувствовала себя маленькой, беспомощной и такой же беззащитной, как в тот вечер, когда ко мне ворвались в квартиру.

Но тогда было по-другому.

Я зажмурилась под повязкой и попыталась успокоиться.

Прошло несколько минут. Или вечность. Я не знала.

Вдруг дверь открылась. Шаги. Кто-то вошёл. Один человек. Я услышала, как дверь закрылась за ним, и он подошёл ко мне. Близко. Я чувствовала его присутствие — тепло, запах. Знакомый запах? Нет, не знакомый. Но какой-то... мужской. Резкий. Порох и металл.

Руки коснулись моих — и я вздрогнула. Но он не сделал

больно. Он просто отстегнул наручники. Щёлкнул замок, и мои руки упали на колени, онемевшие, с затекшими пальцами.

— Можешь снять, — сказал он.

Голос.

Низкий. Глубокий. С хрипотцой. Я слышала его раньше. В своих кошмарах.

Я медленно подняла руки к лицу. Пальцы дрожали. Я ухватила за край повязки и стянула её.

Свет ударил в глаза, и я зажмурилась. Моргнула раз, второй, пытаюсь привыкнуть к тусклому освещению комнаты. Слезы мешали видеть, но я проморгалась и начала оглядываться.

Я сидела на деревянном стуле. Рядом стоял простой металлический стол. Голая лампа под потолком, бетонные стены, ни одного окна. Допросная комната. Или что-то вроде того.

А напротив сидел он.

Здоровый шкаф. Не меньше метра девяносто, широкие плечи, мощная шея. Короткая стрижка почти под ноль, но волосы светлые — почти белые, выгоревшие на солнце. Лицо было серьёзным, жёстким, с острыми скулами и твёрдой линией челюсти. Строгим. Немилосердным.

Я смотрела в его глаза.

И мир остановился.

Серые. Серебристые. С прохладным блеском, как осколки

льда. Те самые глаза, которые снились мне по ночам последние три месяца. Те самые, которые смотрели на меня тогда, когда я сидела на полу своей квартиры.

— Это... — прошептала я, и голос прозвучал хрипло, чуть слышно. — Это вы?

Он не ответил. Просто смотрел на меня своим прожигающим взглядом. Без тепла. Совсем не так, как тогда.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросил он ледяным тоном. Официальным. Профессиональным.

— Я... я не знаю, — прошептала я, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам. — Я ни в чём не виновата. Я просто хотела помочь Сашке...

— Саше? — он перебил меня. — Кто он?

— Да! Мы одноклассники. Мы просто праздновали окончание сессии! — я заговорила быстрее, слова вылетали, как пули. — Я вышла на улицу, увидела, как на него орёт какой-то мужик... я испугалась за него! Я хотела ему помочь!

— Ты знаешь, кто этот мужик?

Я запнулась.

— Нет... он просто кричал на Сашку, говорил что-то про долги...

— Значит, ты ничего не знаешь, — сказал он, и в голосе появилась сталь. — Но полезла. Совала нос туда, где тебя не просили.

— Когда меня отпустят? — выдавила я, глядя на него снизу вверх.

Он усмехнулся. Коротко, жёстко.

— Точно не сегодня, принцесса.

— Как? Почему? — я почти выкрикнула, но он даже не шелохнулся. — Мне на работу нужно! У меня завтра смена! Я ничего не сделала!

— Будешь думать в следующий раз, прежде чем лезть в мужские разборки ночью, — отрезал он. — Нашла время и место для героизма.

— Да я просто испугалась за друга! — крикнула я, и слёзы снова потекли. — Что вообще происходит? Вы можете мне объяснить?!

— Не положено, — отрезал он и начал подниматься.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он уже поднялся из-за стола. Он навис надо мной, загораживая свет, и я почувствовала себя еще более мелкой по сравнению с ним. Он был огромным. Пугающим. И в то же время от него исходило что-то, что притягивало. Что-то опасное и манящее одновременно. Я хотела убежать.

— Подождите, — проскулила я. — Стойте! Вы не можете просто так держать меня здесь! Я ничего не сделала!

Он остановился. Посмотрел на меня сверху вниз. Секунду, другую. Его глаза прошлись по моему лицу, остановились на мокрых щеках, на дрожащих губах.

Я видела, как что-то в нём меняется. Совсем чуть-чуть. Едва заметно. Жёсткая маска на мгновение изменилась.

— Юлия, — сказал он тише. — Ты влезла в дело, которое

тебя не касается. Саша — наш информатор. Он должен был передать нам этого человека, но вместо этого решил сбежать и спрятаться. Мы взяли его и того мужика. А тебя... — он помедлил. — Тебя взяли как свидетеля. На всякий случай.

— Так я свидетель? — прошептала я. — Вы же меня отпустите, да?

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Командир! — раздалось из-за двери. — Срочный вызов. Пришёл приказ сверху.

Он не сводил с меня глаз.

— Придёт кто-то, — сказал он коротко. — Проводит тебя в комнату для задержанных. Там будешь ждать. Никуда не суйся, не высывайся.

— Но...

Он развернулся и вышел, даже не обернувшись. Дверь за ним захлопнулась, оставив меня одну.

Я сидела посреди пустой комнаты, дрожа, плача и пытаюсь осознать, что только что произошло.

Три месяца я пыталась забыть его. И теперь он снова появился в моей жизни.

Как же я влипла.

Глава 7

За мной пришёл какой-то мужчина в форме. Невысокий, коренастый, с невозмутимым лицом, которое не выражало ровным счётом ничего. Он молча кивнул мне, и я, как послушная овечка, поплелась за ним по длинному бетонному коридору.

В голове уже рисовались мрачные картинки: решётки, сырой каменный пол, запах плесени и мочи, крысы в углах. Я слышала, как стучат мои собственные зубы — то ли от холода, то ли от страха. Я представляла себе камеру, как в фильмах про полицейские участки: грязную, тесную, с ржавой койкой и унитазом без крышки.

Но мужчина остановился у самой обычной двери, достал ключ, повернул замок и открыл её.

Я заглянула внутрь и замерла.

Это была комната. Обычная комната. Маленькая, но чистая и аккуратная. У стены стоял деревянный стол, рядом с ним — стеллаж с книгами. По виду — старые томики, потёртые корешки, какие-то справочники. А в углу — маленький диванчик. Обитый тёмно-синей тканью, с парой подушек, вполне себе уютный. Никаких решёток. Даже пахло здесь чем-то нейтральным — может быть, старой бумагой и деревом.

— Располагайся, — буркнул мужчина и вышел, закрыв

дверь. Я услышала, как повернулся ключ в замке. Заперли.

Я стояла посреди комнаты и оглядывалась. Всё казалось нереальным. Ещё час назад меня везли в фургоне со связанными руками, а теперь я в какой-то... комнате и непонятно где? Что это вообще такое?

Я подошла к дивану и села на край. Руки сами собой сжались между коленей. Я сидела и пыталась собрать мысли в кучу, но они разбегались, как тараканы на свету.

«Сашка. Где Сашка? — думала я. — Что с ним сделают? Он ведь не плохой парень. Просто попал в какую-то историю с долгами... Или не просто? Я ничего о нём не знаю. Мы же просто учились вместе...»

Я зажмурилась. Голова раскалывалась от напряжения.

«Работа. Завтра в десять... уже сегодня, наверное. Меня точно уволят, если я не выйду. А если я сильно опоздаю, но выйду и скажу, что меня задержали спецслужбы, подумают, что я свихнулась. Надо будет позвонить, предупредить. Если они меня отпустят... когда отпустят?»

Я снова открыла глаза и уставилась в стену.

А потом мысли вернулись к нему. К этому громиле Альфе. Я даже не знала, как его называть. Сероглазый шкаф с ледяным взглядом и голосом, который заставлял сердце биться быстрее. Я вспоминала, как он сидел напротив меня, как смотрел своими пронзительными глазами.

«Прекрати, Юля. Он спецназовец. Он опасен. А ты думаешь о том, какие у него глаза?»

Я замотала головой, пытаюсь прогнать глупые мысли. Но они не уходили.

Усталость накатывала волнами. Сначала адреналин, потом страх, потом это странное возбуждение — и теперь всё смешалось в одну тягучую, липкую усталость. Я чувствовала, как веки тяжелеют, как тело наливается свинцом.

«Может быть, просто прилечь? Немного полежать, привести мысли в порядок...»

Я легла на диван, поджала ноги, положила руки под голову. Диван был мягким и пах чистотой. Я закрыла глаза и попыталась дышать ровно. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Я не заметила, как уснула.

—

Проснулась я от странного ощущения. Кто-то смотрел на меня. Я чувствовала этот взгляд кожей, каждой клеточкой, даже сквозь сон.

Я резко открыла глаза и села.

Рядом со столом стоял он. Смотрел на меня тем самым своим пристальным, прожигающим взглядом. Я моргнула, пытаюсь сообразить, где я и что происходит.

— Извините, — выдавила я, чувствуя, как горят щёки. — Я немного задремала...

— Ничего, — ответил он коротко. Голос был ровным, без эмоций. — Куда тебе нужно?

Я моргнула.

— Что?

— Отвезти тебя говорю, — повторил он терпеливо, но в голосе слышалась строгость. — Куда? На работу сразу или домой?

— Время... сколько времени? — спросила я хрипло.

— Пять утра.

Я выдохнула с облегчением. Есть время. Можно успеть домой, принять душ, собраться.

— Домой, — сказала я, поднимаясь с дивана. — Пожалуйста, домой.

Он молча кивнул и вышел из комнаты. Я рванула за ним, стараясь не отставать. Но он шёл так быстро, что мне пришлось почти бежать. Огромный, широкоплечий, один его шаг равнялся моим пяти. Я смотрела на его спину, на то, как перекачиваются мышцы под чёрной футболкой, и снова чувствовала этот странный трепет внутри.

Мы вышли на улицу. Утро было прохладным, небо на востоке только начинало светлеть. Он подошёл к чёрному внедорожнику, открыл дверь и жестом показал мне садиться.

Я залезла на переднее сиденье, сжалась в комок, прижалась к двери. Он обошёл машину, сел за руль, от него исходило тепло — мощное, мужское, невозможное игнорировать.

А потом он резко потянулся на заднее сиденье.

Я вздрогнула, и сердце пропустило удар. Что он делает? Зачем? Боже, что происходит?

— Эй! — выдохнула я, вжимаясь в дверь.

Он не обратил на мой испуг никакого внимания. Просто

достал с заднего сиденья мою сумку. Ту самую, которую я непонятно, где и когда оставила. Аккуратно протянул мне.

— Держи, — сказал он. — Всё на месте. Твой телефон звонил несколько раз. Мы не отвечали.

— Спасибо! — выдохнула я, прижимая сумку к груди, как самое дорогое сокровище.

Он завёл двигатель, и мы выехали с территории. Я не смотрела по сторонам — было слишком тускло, да и я была слишком дезориентирована, чтобы запомнить дорогу. Это место останется для меня загадкой. Секретной базой, о которой нельзя рассказывать.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно на проносящиеся мимо огни, на пустые утренние улицы. Тишина в салоне была тягучей, но не неловкой. Странно, но я чувствовала себя почти в безопасности рядом с ним. Почти.

— Я думала, — начала я тихо, нарушая молчание, — комнаты для задержанных выглядят немного иначе.

Он усмехнулся. Коротко, но я услышала это.

— А так вполне сносно оказалось, — добавила я, чувствуя, как внутри разливается странное тепло от его усмешки.

— Ты была в комнате отдыха, принцесса, — сказал он, бросив на меня короткий взгляд. — Я приказал отвести тебя туда. Хоть какая-то компенсация тебе за наш косяк в прошлом.

Я сглотнула. Комната отдыха. Он приказал.

— Понятно, — только и смогла выдавить я.

— Ты там же живёшь? — спросил он. — Не переехала?

— Да, там же, — ответила я, удивлённая тем, что он помнит мой адрес.

— Не страшно одной?

Я задумалась. До того дня — не страшно. После — вздрагивала от каждого постороннего шума. Но говорить ему об этом? Или сказать правду? Он смотрел на меня, ожидая ответа.

— До того дня было не страшно, — честно призналась я.

— А потом... вздрагивала от каждого скрежета.

Он молчал несколько секунд, потом спросил:

— Почему мальчика своего не попросила с тобой пожить, пока в себя не придёшь?

Я нахмурилась.

— Какого мальчика?

— Ну какого-то, — он пожал плечами. — Есть же у тебя кто-то?

— Нет, — сказала я, и в голосе проскользнула лёгкое смещение. — Нету никого.

Он резко посмотрел на меня. Так пристально, что внутри всё сжалось.

— Странно, — сказал он.

— Почему странно? — спросила я, чувствуя, как щёки снова заливают жаром.

— Да так, — ответил он и отвернулся к дороге.

Я хотела спросить ещё что-то, но мы уже подъезжали к моему дому.

Он остановился у подъезда. Я открыла дверь, но прежде чем выйти, обернулась.

— Спасибо, что подвезли, — сказала я.

— Пожалуйста, принцесса, — ответил он, и в голосе снова послышалась та самая усмешка. — Беги. И больше не вмешивайся в разборки.

Я уже вышла из машины и закрыла дверь, но вдруг остановилась, повернулась и наклонилась к открытому окну.

— А как вас зовут? — спросила я.

Он посмотрел на меня. Долго. Пристально. Я видела, как в его глазах мелькнуло сомнение. Или что-то другое? Я не знала.

— Руслан, — сказал он.

И я улыбнулась. Сама не знаю зачем. Просто улыбнулась — широко, искренне.

— Юля, — ответила я. — Меня зовут Юля.

Он усмехнулся. Покачал головой.

— Я знаю, — сказал он тихо. — Иди уже, Юля.

Машина тронулась с места. Я стояла на тротуаре и смотрела, как чёрный внедорожник исчезает за поворотом. В руках — сумка, в груди — странное, тёплое чувство.

Теперь я знала его имя.

Руслан.

Я развернулась и побежала в подъезд. Сегодня был новый

день. И почему-то мне казалось, что всё только начинается.

Глава 8

День тянулся бесконечно.

Я влетела домой, приняла ледяной душ, чтобы взбодриться, натянула первую попавшуюся одежду и, даже не позавтракав, выбежала на работу. К счастью, успела за пять минут до начала смены — Геннадий, наш вечно недовольный управляющий, уже стоял у входа с секундомером в руках и злобным прищуром.

— Демидова, ты опять на грани, — процедил он, когда я влетела в подсобку. — Ещё две минуты — и я бы тебя оштрафовал.

— Извините, Геннадий Петрович, — выдохнула я, натягивая форменную рубашку. — Обстоятельства...

— Мне плевать на обстоятельства! — рявкнул он. — Работай!

Я вздохнула и вышла в зал. Ноги ещё помнили вчерашние танцы, голова гудела от недосыпа, а перед глазами всё ещё стояли серые глаза Руслана.

«Руслан», — пронеслось в голове, и я улыбнулась, разнося заказ первому столику.

Весь день Геннадий придирался ко мне с особой жестокостью. Зачем-то встал за моей спиной, когда я записывала заказ, и дышал в затылок, комментируя каждое моё движение.

— Быстрее, Демидова! Ты не на чайной церемонии!

Я сжимала зубы и улыбалась клиентам.

— Почему ты так долго несешь заказ? Два столика уже ждут!

Я несла так быстро, что едва не опрокинула поднос.

— Вымой столик номер семь! И номер девять! И вообще, почему у тебя полотенце такое грязное?!

Грязное? Я только что взяла чистое.

Я уже не знала, что он ко мне прикапывается. Может быть, у него были проблемы дома? Или он просто недолго любил меня с самого первого дня. А может быть, я выглядела как выжатый лимон, и его раздражал мой уставший вид.

— Юль, ты чего такая дёрганая сегодня? — шепнул мне Миша, когда мы столкнулись у барной стойки. — Ты на работу пришла или на войну?

— Долгая история, — вздохнула я. — Не спрашивай.

— А может, мне стоит угостить тебя чашечкой кофе после смены? — подмигнул он. — Расслабишься, расскажешь...

— Миша, отстань, — устало сказала я и пошла к очередному столику.

К концу смены я уже еле держалась на ногах. Всё тело ломило, голова кружилась от усталости, а перед глазами плыли пятна. Завтра выходной, слава богу. Я доживу, я доживу...

Часы показывали 21:45. Оставалось пятнадцать минут до закрытия. Я протирала стойку и мечтала только об одном — рухнуть в кровать и не вставать до обеда.

И тут я услышала шёпот.

Девчонки-официантки собрались у стойки, сгрудившись в кучку, как стайка воробьёв, и перешёптывались так громко, что я слышала каждое слово.

— Ого, какой мужчинка... — прошептала Катя, таращась в зал.

— Вау! — выдохнула Света. — Мамочки, я захотела замуж, девочки!

— Смотрите, какой широкоплечий! И такой... Брутальный! — добавила Лена.

Я невольно подошла ближе, протирая тряпкой уже идеально чистую стойку.

— Кто там? — спросила я, приподнимая бровь.

— Юля, отдай свой столик у окна! — вцепилась в меня Катя. — Дай я его обсужу!

— Он вообще не для тебя! — засмеялась Света. — Дай мне его!

— Девочки, вы чего? — я попыталась заглянуть в зал, но из-за их спин ничего не было видно.

В этот момент из подсобки вылетел Геннадий. Его лицо побагровело, а глаза метали молнии.

— Демидова! — заорал он так, что я подпрыгнула. — Какого хрена ты прохлаждаешься?! За твоим столиком сидит посетитель уже пять минут, а ты тут ласы точишь с этими курицами! Живо в зал!

Я вжала голову в плечи и, не говоря ни слова, пулей вылетела в зал.

И замерла.

За столиком у окна сидел Руслан.

Он сидел прямо, слегка откинувшись на спинку стула, и его руки были сцеплены в замок на столе. Свет ламп падал на его короткие светлые волосы, на острые скулы, на линию челюсти, которая была такой твёрдой, что казалась высеченной из камня. Он был в простой чёрной футболке и джинсах, но даже в такой одежде выглядел как человек, который может сломать тебя голыми руками.

И смотрел он на меня.

Смотрел, как я медленно, словно в замедленной съёмке, подхожу к его столику. Сердце билось где-то в горле. Ноги подкашивались. Я чувствовала, как горят щёки, как руки начинают дрожать.

«Спокойно, Юля. Ты официантка. Это твой столик. Просто прими заказ», — уговаривала я себя.

Я подошла, взяла блокнот и ручку. Улыбнулась профессиональной улыбкой, хотя внутри всё дрожало.

— Здравствуйте, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Добро пожаловать в «Кофе и Круасаны». Меня зовут Юля, и я ваша официантка. Что-то уже решили по заказу?

Он поднял на меня взгляд. И в этих серых глазах я увидела ту самую усмешку, которая уже так полюбилась мне.

— Привет, принцесса, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только я.

Я сглотнула. Улыбка сползла с моего лица, потому что я не могла её удерживать.

— Руслан... — прошептала я. — Что вы... что вы здесь делаете? Какие-то проблемы?

Он проигнорировал мой вопрос.

— До сколько ты работаешь?

Я моргнула, пытаясь переключиться с состояния «шок» на состояние «работающий мозг».

— Эм... до 22 часов. Ещё примерно 15 минут.

— Значит, — он чуть наклонил голову, — принеси мне эспresso. А потом я тебя подожду.

Я сглотнула снова. В груди разливалось странное тепло и восторг.

— Хорошо, — сказала я, чувствуя, как губы сами собой складываются в улыбку. — Через пять минут будет.

Я развернулась и пошла к стойке. Ноги уже не болели. Голова больше не кружилась. Усталость исчезла, как будто её никогда и не было. Сердечко так быстро стучало.

Пока я делала эспresso, девчонки снова зашептались:

— Юль, ты его знаешь?!

— Это твой парень?!

— Да он же на тебя так смотрел!

— Девочки, — улыбнулась я, ставя чашку на поднос. — Это просто... посетитель. Я его не знаю.

Я взяла поднос и понесла эспresso. Подошла к столику, аккуратно поставила чашку перед ним. Нашарила в кармане

шоколадку — маленькую, которую иногда давали с кофе, и положила рядом.

— Это от меня, — сказала я тихо.

Он посмотрел на шоколадку, потом на меня. В его глазах мелькнуло лёгкое удивление.

— Спасибо, — ответил он.

— Я отойду, закрою смену, — сказала я, отступая. — Подождите меня.

Он кивнул.

Я побежала в подсобку и переоделась со скоростью света. Когда я вышла, Руслан стоял у входа, а девчонки во все глаза смотрели на него.

Подошла к нему, и он открыл передо мной дверь.

— Ну что, принцесса? — спросил, когда мы вышли на улицу. — Устала?

— Ужасно, — честно призналась я, поднимая на него глаза. — Но сейчас почему-то не чувствую.

Он усмехнулся.

— Тогда поехали домой? — спросил он.

— А вы... вы не заняты? — удивилась. — У вас же работа...

— Сейчас я не на работе, — сказал он.

Моё сердце застучало. Зачем ему меня подвозить?

Глава 9

Мы ехали молча.

Тишина в салоне машины была густой, почти осязаемой, но почему-то не тяготила. Я сидела, сцепив руки на коленях, и украдкой поглядывала на него. Руслан вел машину сосредоточенно, но расслабленно — одна рука на руле, другая на рычаге переключения передач. Я заметила, какие у него крупные, сильные руки, с выступающими венами и чистыми, ухоженными ногтями. Руки человека, который привык много работать. И убивать, возможно. От этой мысли по спине пробежал холодок, но он быстро исчез, потому что Руслан повернул голову и посмотрел на меня.

— От меня нужна какая-то помощь? — вырвалось у меня неожиданно. Я сама не знала, зачем спросила. Может быть, хотела нарушить эту тишину. Может быть, хотела понять, зачем он вообще приехал в кафе.

Он удивлённо приподнял бровь.

— В чем?

— Ну не знаю, — пожала я плечами, чувствуя себя немного глупо. — Как свидетель? Вдруг я что-то видела, что важно для вашего дела?

Он улыбнулся. Коротко, но тепло.

— Нет, принцесса. Как свидетель, не нужна.

Я выдохнула с облегчением, но в груди зашевелилось

разочарование. Значит, он приехал не по работе. А зачем? Зачем приехал?

— Как учеба? — спросил он, меняя тему. — Справляешься?

— Да вроде, — я улыбнулась, чувствуя себя немного неловко от его интереса. — Закончили третий курс. Вчера вот закрыли сессию.

— Молодец, — сказал он, и в голосе послышалась искренняя похвала. — Кем хочешь стать?

Я задумалась на секунду.

— Пока не уверена, но думаю в сторону дерматовенерологии.

— Это что такое? — он снова посмотрел на меня, и в глазах мелькнуло любопытство.

Я засмеялась. Мало, кто знает.

— Это врач, который лечит кожу, ногти, волосы, а ещё венерические заболевания. Ну, то есть всё, что связано с кожными покровами и инфекциями, передающимися половым путём. Это довольно сложная специальность, но интересная.

Он кивнул, внимательно слушая.

— Понял.

— Ну или если не потяну по деньгам, — призналась я честно, — пойду в педиатрию. Детский врач. Там попроще поступить в ординатуру, конкурс меньше, и я люблю детей.

— Ничего себе у тебя разброс по направлениям, — усмехнулся он.

— Ну да, — засмеялась я. — От кожи до детей.

Мы снова замолчали. Я решилась спросить то, что вертелось на языке с самого начала.

— А вы... давно работаете так? — я покосилась на него.

— Как так? — спросил он, не поворачивая головы.

— Нууу, — я запнулась, подбирая слова, — вот так... Опасно. С оружием.

Он помолчал пару секунд.

— Давно, — ответил коротко. И всё. Никаких уточнений. Стало понятно, что он не хочет говорить на эту тему. И я не стала настаивать.

— А сколько вам лет? — спросила я просто из любопытства.

— Тридцать четыре, — ответил он.

У меня глаза округлились.

— Ого... А мне двадцать.

— Я знаю, — сказал он тихо и в его голосе промелькнула какая-то странная нотка.

Машина остановилась у моего подъезда.

Я сидела и не знала, что делать. Выходить? Он ничего не сказал. Но и не выглядело так, будто он собирается меня отпустить. Я посмотрела на него, на его профиль, на линию его челюсти, на руки, сжимающие руль.

— Эмм... Спасибо, что подвезли. Снова, — сказала я, протягивая руку к ручке двери. — Ну, я пойду...

Он не ответил.

Вместо этого он повернулся ко мне всем корпусом. Я замерла. Его рука протянулась ко мне, и его пальцы коснулись моих волос. Он взял прядь, пропустил между пальцами, и я перестала дышать.

— Такая кукла, — сказал он тихо, почти шёпотом, и его голос прозвучал хрипло, с какой-то незнакомой мне нежностью.

— Что простите? — выдохнула я, не в силах пошевелиться.

Но он не ответил.

Он резко склонился ко мне, и его губы прижались к моим. Поцелуй был дерзким, властным, требовательным. Он сразу взял инициативу в свои руки, и я почувствовала, как внутри меня разгорается пожар. Такой сильный, такой жаркий, что я забыла, как дышать. Мои руки сами собой поднялись и коснулись его плеч, пальцы вцепились в ткань футболки. Он целовал меня жадно, глубоко, и я таяла в его руках.

Я не умела целоваться. У меня никогда не было парня, никогда не было такого. Но моё тело реагировало само — я приоткрыла губы, и он углубил поцелуй, и я почувствовала его язык, его дыхание, его запах. Всё это смешалось в одно горячее, ошеломляющее ощущение, от которого кружилась голова.

А потом он так же резко отстранился.

Я сидела с открытыми глазами, пытаюсь восполнить кис-

лород и не в силах произнести ни слова. Губы горели, щёки пылали, сердце колотилось где-то в горле.

Он смотрел на меня. Те же глаза. Лёд и сталь.

— Я позвоню, — сказал он. Голос был хриплым, низким, и я слышала в нём то же волнение, что и в своём.

— Эмм, — я сглотнула, пытаюсь прийти в себя. — Хорошо. Но у вас же нет моего номера...

Он усмехнулся. Коротко, чуть снисходительно, но без злости.

— Всё у меня есть, принцесса, — сказал он. — Толай дай быстрее.

Я открыла дверь, вылезла из машины, и мои ноги едва держали меня. Я стояла на тротуаре, прижимая руки к пылающим щекам, и смотрела, как чёрный внедорожник отъезжает от подъезда.

Мои губы всё ещё горели.

Я коснулась их пальцами и улыбнулась. Глупо. Как маленькая девочка, которая только что получила первый в жизни поцелуй.

Но это действительно был первый. Настоящий. Тот, который заставляет сердце биться быстрее.

Глава 10

Я проснулась с улыбкой на лице.

Солнечный свет пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы, и в воздухе плясали тысячи золотых пылинок. Где-то на кухне тикали часы, а из приоткрытого окна доносился утренний гомон птиц и далёкий шум машин — обычное городское утро, но сегодня оно казалось необыкновенным. Я лежала в кровати, глядя в потолок, и глупо улыбалась собственным мыслям. Вчера случилось что-то невероятное. Мой первый поцелуй..

Я дотронулась до губ кончиками пальцев и почувствовала, как щёки снова заливает жаром. Воспоминания нахлынули волной: его руки в моих волосах, его дыхание, его губы — дерзкие, властные, требовательные. И этот пожар внутри, который разгорелся от одного прикосновения.

Я перевернулась на живот и уткнулась носом в подушку, чувствуя себя глупой влюблённой девочкой. Но мне это нравилось. Мне нравилось чувствовать это тепло, эту лёгкость, это предвкушение.

«Когда же он позвонит?» — думала я, вставая с кровати и направляясь в ванную.

Я умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало. Из отражения на меня смотрела сияющая девушка с горящими глазами и лёгким румянцем на щеках. Я не помнила,

когда в последний раз выглядела такой счастливой.

— Ну, Юля, — сказала я себе, улыбаясь. — Ты поплыла. Похоже, это случилось.

После завтрака я села на кухне с чашкой чая и уставилась на телефон. Он лежал на столе, чёрный и молчаливый. Я ждала. Ждала, когда он зазвонит, когда на экране загорится номер. В комнате было тихо, только пар поднимался от кружки и растворялся в утреннем свете. Я покусывала печенье, но совсем не чувствовала его вкуса — все мысли были там, о нём.

«А может, ему не понравилось?» — вдруг пришла в голову тревожная мысль. — «Я же целовалась так неумело... У меня ноль опыта. Он такой взрослый, у него наверняка было много женщин. И вдруг я — малолетка, которая даже не знает, куда руки деть. Ему точно не понравилось».

Я закусила губу и внутри зашевелился червячок сомнения.

«Может быть, он передумал. Подумал, что я слишком молодая. Слишком неопытная. И решил, что не будет звонить».

С каждой минутой тревога росла. Я снова взяла телефон, проверила — ни одного пропущенного. Ни одного сообщения. Всё тихо.

— Вот дура, — сказала я себе, откладывая телефон. — Надо занять себя чем-то. Перестать сидеть и ждать у моря погоды.

Я встала и решила сделать уборку. Ведро, тряпки, мою-

щие средства — я взялась за дело с остервенением, пытаюсь вытряхнуть из головы все мысли о нём. Включила музыку погромче — какой-то весёлый поп, который обычно поднимал мне настроение. И через некоторое время я действительно начала расслабляться. В такт музыке я пританцовывала с тряпкой в руках, напевая и даже не замечая, что мои волосы намокли от пота и прилипли к вискам.

И в этот момент телефон зазвонил.

Я подскочила, чуть не опрокинув ведро с грязной водой, и бросилась к столу. На экране высветился незнакомый номер.

— Алло? — ответила я с надеждой, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя сердце колотилось как бешеное.

— Привет, принцесса, — раздался его низкий, хрипловатый голос, и по моему телу пробежала тёплая волна.

— Эмм... добрый день! — выдохнула я, чувствуя, как улыбка расплывается по лицу.

— Занята? — спросил он.

— Нет! — слишком быстро ответила я и тут же поправи-
лась: — То есть, нет, совсем не занята.

— Хорошо, — в его голосе послышался смех. — Заеду через сорок минут. Успеешь собраться?

Я глянула на себя в зеркало — растрёпанная и потная, в домашней одежде, с тряпкой в руках. Щёки покраснелись, на лбу блестели капельки пота — видок был ещё тот...

— Да! Да, конечно, успею! — выпалила я.

— Супер, — сказал он и отключился.

Я стояла посреди комнаты с телефоном в руке и смотрела на экран. Через сорок минут. Через сорок минут он будет здесь.

— Боже мой! — вскрикнула я и рванула в ванную.

Сорок минут — это бесконечность и одновременно мгновение. Я приняла быстрый душ, высушила волосы феном, оставив их мягкими локонами, выбрала платье — лёгкое, розово-белое, с цветочным принтом. Оно было летним, воздушным и очень шло мне. Я нанесла лёгкий макияж — чуть тонального крема, тушь, блеск на губы. Взяла с полки любимые духи с запахом ванили и жасмина, брызнула на запястья, и комнату окутал сладкий, нежный аромат. Смотрелась в зеркало и улыбалась. Всё было идеально.

Ровно через сорок минут мой телефон снова зазвонил.

— Выхожу, — ответила я.

Я взяла сумочку, ключи, ещё раз проверила себя в зеркало и вышла из квартиры. Ступеньки лестницы знакомо стучали под ногами, а сердце билось в такт моим шагам.

Он стоял у машины, оперевшись о неё. Чёрная футболка-поло, синие джинсы, солнечные очки на глазах. Когда он увидел меня, он снял очки и посмотрел внимательно — с головы до ног. Его взгляд задержался на моих голых коленях, и я смутилась.

Он открыл передо мной дверь, и я села в машину. Салон пах кожей и его одеколоном — горьковатым, мужским. Он обошёл машину, сел за руль, и мы тронулись.

— Куда мы едем? — спросила я, чувствуя, как от волнения у меня немного дрожит голос.

Он метнул быстрый взгляд на мои ноги и ответил:

— В парк.

— В парк? — переспросила я удивлённо.

— Да, — он чуть улыбнулся. — В парк аттракционов.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось от предвкушения. Парк аттракционов? Это было так неожиданно. Я представила яркие огни, карусели, крики радости — и сердце забилось быстрее.

— Ты любишь аттракционы? — спросил он, глядя на дорогу.

— Не знаю, — ответила я, пожимая плечами. — Смотря какие.

Я улыбнулась.

— Если не страшные — то люблю.

Он повернул голову и посмотрел на меня с ухмылкой. На его лице появилось то самое выражение — снисходительное, тёплое, от которого я готова была растаять.

— Значит, будут не страшные, — сказал он, снова переводя взгляд на дорогу.

Я откинулась на сиденье и почувствовала, как внутри разливается тёплое, щемящее чувство. Он приехал. Он позволил. Он захотел провести со мной день.

За окном проплывали дома, деревья, солнечные блики. Мир казался ярким, словно кто-то увеличил насыщенность

цветов. Я повернула голову и украдкой посмотрела на него: на его руки, сжимающие руль, на линию его челюсти, на то, как он чуть прищурился от солнца. Он был таким красивым. Как же сильно он мне нравился!

И это было самое настоящее счастье, которое я когда-либо чувствовала.

Мы подъехали к парку и вышли из машины. Он взял меня за руку и его пальцы сжали мои— надёжно, уверенно.

Всё было как в сказке.

Глава 11

Лето обнимало нас тёплым воздухом, пахнущим сладкой ватой и попкорном. Солнце окрашивало небо в золотистые тона, и в этом свете парк казался ещё более волшебным. Мы гуляли от палатки к палатке, и я чувствовала себя маленькой девочкой, которой разрешили зайти в сказку.

— Смотрите, сахарная вата! — воскликнула я, указывая на яркую палатку. — Вы когда-нибудь пробовали?

— Не помню, — ответил он.

— Как вы можете не помнить? — смеялась я, пока он покупал мне порцию. — Это же классика детства!

— Слушай, переставай мне выкать, ладно, — отрезал он.

— Эм... ладно.

— Супер, — он взял у продавца предложенную вату и посмотрел на неё с лёгким недоумением, как на инопланетный объект. Сахарная нить таяла в воздухе, оседая на пальцах липкой сладостью. А потом откусил кусочек и скривился.

— Сладко, — сказал он, и я засмеялась в голос.

— Это же и есть суть сахарной ваты! Она должна быть сладкой!

Он снова попробовал, на этот раз с более серьёзным видом, но я видела, что ему не нравится. Я забрала у него вату и доела сама, пока он смотрел на меня с той странной тёплой усмешкой, которая появлялась у него на лице всякий раз,

когда я делала что-то по-детски наивное.

Мы подошли к колесу обозрения. Огромное, величественное, оно возвышалось над парком, поднимаясь к самому небу(так казалось), и его кабинки медленно плыли по кругу, словно бусы на невидимой нити.

— Хочешь? — спросил он, заметив мой взгляд.

— А ты согласишься? — спросила я, чувствуя, как внутри зашевелился страх.

— Почему нет, если ты этого хочешь, — ответил он.

И я решилась.

Мы сели в кабинку, и она начала медленно подниматься. Сначала было терпимо — я смотрела вниз, на людей, которые становились всё меньше и меньше, на деревья, которые превращались в зелёные пятна. А потом кабинка поднялась выше, и я почувствовала, как мир начинает кружиться.

— Ой... — выдохнула я и инстинктивно вцепилась в его руку. — Кажется, я боюсь высоты.

— Смотри на меня, — сказал он спокойно.

Я повернулась к нему, и его серые глаза смотрели на меня ровно, без страха. В них было что-то успокаивающее, тёплое, надёжное.

— Просто смотри на меня, — повторил он. — Дыши.

Я попыталась дышать, но сердце колотилось так сильно, что я почти не слышала собственных мыслей. Кабинка качнулась, и я вжалась в него, чувствуя его сильное плечо, его запах.

— Я боюсь, — прошептала я.

— Я здесь, — сказал он просто.

Я прижалась к нему ближе, почти уткнувшись носом в его плечо. Его рука легла на мою спину, слегка поглаживая, успокаивая. И в этом жесте было столько уверенности, что я постепенно начала расслабляться.

Когда кабинка пошла вниз, я выдохнула с облегчением. Мы вышли с аттракциона, и я снова почувствовала себя на твёрдой земле.

— Ты совсем не боишься? — спросила я, глядя на него.

— Нет, не боюсь, — ответил он.

— Ну конечно, — улыбнулась я. — Ты же бесстрашный.

Он улыбнулся в ответ.

— Ну, это вряд ли, — сказал он тихо.

Я хотела спросить, чего же он боится, но не решилась. Вместо этого я потянула его к следующей палатке.

Мы проходили мимо тира, и я задержала взгляд. На полках стояли огромные плюшевые игрушки — медведи, зайцы, единороги. Они смотрели на меня с высоты своих полок, и я невольно улыбнулась.

— Хочешь попробовать? — спросил Руслан, заметив мой взгляд.

— Я? — удивилась я. — Ну... я не умею стрелять.

— Просто попробуй, — сказал он, подталкивая меня к прилавку.

Я взяла ружьё, прицелилась и выстрелила. Мимо. Ещё раз.

Опять мимо. Продавец, мужчина с хитрым взглядом, засмеялся:

— Девушка, вам нужно тренироваться! Может, ваш парень попробует? Не хотите выиграть для дамы игрушку?

Я покраснела и замахала руками.

— Не надо, правда!

Но Руслан уже протянул продавцу купюру и взял ружьё. Он сделал это быстро, почти не целясь. Выстрел — и первая мишень упала. Выстрел — вторая. Третья. Четвёртая. Все мишени были повержены за какие-то две секунды.

Продавец стоял с открытым ртом. Люди, собравшиеся вокруг стояли с открытыми ртами. Я смотрела на Руслана с таким же изумлением.

— Откуда ты так умеешь? — спросил продавец.

— Умею, — ответил он коротко и махнул продавцу. — Давай приз.

Продавец, ещё не отошедший от шока, протянул ему огромного плюшевого медведя. Руслан взял его и вручил мне.

Я стояла с медведем в руках, который был почти такого же размера, как я. Люди вокруг всё ещё смотрели на нас, и я чувствовала себя героиней какого-то фильма.

— Это было впечатляюще, Руслан, — сказала я, когда мы отошли.

— Тебе идёт, — сказал он, глядя на медведя.

— Мне идёт медведь? — засмеялась я.

— Ты с ним похожа на маленькую девочку, — ответил он.

— Хотя ты и так маленькая. Даже слишком.

Мы сели в кафе, расположенное прямо в центре парка. Столики стояли на открытой веранде, и оттуда открывался вид на всё это великолепие — качели, карусели, огни, которые уже начали зажигаться. Я заказала салат с тунцом, а Руслан — отбивную с картофелем.

— Ты не любишь сладкое? — спросила я, вспоминая его реакцию на сахарную вату.

— Не люблю, — подтвердил он, разрезая мясо.

— А что любишь?

— Мясо, — сказал он с лёгкой усмешкой. — Водку. Пиво. Всё по-мужски.

— Всё по-мужски? — переспросила я, улыбаясь.

Он пожал плечами.

— Расскажи мне о себе, — спросил он.

— Мои родители — самые лучшие люди на свете, — начала я тихо, глядя на его пальцы. — Я из Красноярска. Папа работает инженером на заводе, мама — медсестра в поликлинике. Они поженились очень молодыми, маме было девятнадцать, папе двадцать два. И через год родилась я.

Руслан слушал внимательно, не перебивая. Его глаза были устремлены на меня, и я чувствовала, что каждое моё слово для него важно.

— Они были совсем молодые, когда я родилась. И я всегда чувствовала, что они меня очень хотели. Мама говорит, что я

была желанной, что они меня планировали. И это так важно — знать, что тебя ждали.

Я замолчала на секунду, собираясь с мыслями.

— Моё детство было счастливым, — продолжала я. — Мы жили в небольшой квартире на окраине, но у меня была своя комната, были игрушки, были книги. Папа каждое лето возил нас на озеро, мы купались, жарили шашлыки. Мама пекла пироги по выходным.

Я улыбнулась воспоминаниям.

— В школе я была тихоней, — призналась я. — Но училась хорошо. Мама говорила, что я вся в неё — усидчивая, терпеливая. А папа говорил, что я в него — упрямая. Мы всегда были близки. Когда мне было тяжело, я могла прийти к ним и просто поплакать, и они никогда не говорили, что я нытик. Просто обнимали и говорили, что всё будет хорошо.

— Ты скучаешь по ним? — спросил Руслан тихо.

Я кивнула.

— Очень. Мы разговариваем по телефону часто. Мама всегда переживает за меня. Папа спрашивает, не нужно ли денег. Я их так люблю, — голос дрогнул. — Они так много для меня сделали. И делают. Помогают вот с квартирой, поддерживали, когда я решила уехать в Москву. Они даже не спорили, хотя, наверное, хотели, чтобы я осталась рядом. Но они знали, что я мечтаю о большом городе, о хорошем образовании. И отпустили меня.

Я вытерла влажные глаза и слабо улыбнулась.

— И вот я здесь. Студентка медицинского. Почти на четвертом курсе. И я знаю, что они мной гордятся.

На мгновение повисла тишина — только звон посуды из кафе и детский смех доносились издалека. Я смотрела на него, на то, как он ест, как двигает руками, как иногда смотрит вдаль, задумавшись о чём-то своём.

— Расскажи о своей семье, — попросила я. — О детстве. Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула лёгкая тень.

— Нечего рассказывать, — ответил он коротко.

— Ну что ты, — возразила я. — У всех есть что рассказать.

Он откинулся на спинку стула и посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом.

— У меня нет семьи, — сказал он тихо. — Я вырос в детском доме. С двух лет.

У меня сжалось сердце. Я открыла рот, не зная, что сказать.

— Руслан... я не знала...

— Не надо, — перебил он меня. — Это было давно.

Я замолчала, чувствуя, как внутри поднимается горечь. Всё это время он задавал мне вопросы о моей семье, о родителях, о том, как я росла, — и ни разу не сказал о себе ни слова.

Я протянула руку через стол и коснулась его ладони. Он удивлённо поднял на меня глаза.

— Мне жаль, — сказала я. — Что тебе пришлось так.

Он сжал мои пальцы, и в его руке было столько силы, что я почувствовала, как по телу пробегает дрожь.

— Всё хорошо, — сказал он.

Он смотрел на меня, и в его глазах было столько тепла, что я почти утонула в них.

Мы ещё долго сидели в кафе, держа друг друга за руки, пока ночь не опустилась на парк, зажигая сотни ярких огней. Где-то заиграла медленная мелодия, и я поймала себя на мысли, что не хочу, чтобы этот вечер заканчивался.

Это был лучший вечер в моей жизни.

Глава 12

Мы подъехали к моему дому, и я снова растерялась. Сердце колотилось бешено, дыхание сбивалось, и я сидела, сцепив руки на коленях, не зная, что делать. Стоит ли мне самой потянуться к нему? Или подождать? Внутри всё дрожало от напряжения и предвкушения.

Но Руслан решил сам.

Он резко повернулся ко мне, протянул руку, взял меня за затылок и притянул к себе. Его губы накрыли мои — горячие, требовательные, жадные. Я выдохнула в его рот и почувствовала, как он одной рукой обхватил мою талию, притягивая ближе.

Мы целовались долго. Я потеряла счёт времени, потеряла себя в этом поцелуе, в его запахе, в его руках, которые начали скользить по моему телу. Он гладил меня — мои плечи, мою спину, мои колени, моё лицо. Прикасался к каждому сантиметру так, будто запоминал меня на ощупь.

Его губы переместились на мою шею, и я запрокинула голову, чувствуя, как по всему телу разбегаются мурашки. Я не могла дышать. Воздух закончился, и я судорожно вдыхала, стараясь не задохнуться. Горячо. Безумно горячо. Кто включил печку в этой машине? Или это внутри меня разгорался пожар?

Его рука легла на мою грудь, сжимая её через тонкий лиф-

чик и ткань платья. Вторая рука скользнула ниже и сжала мою ягодицу. Я застонала, чувствуя, как внутри всё сжимается от его прикосновений.

А потом он схватил меня как пушинку — легко, без усилий — и усадил к себе на колени. Я оказалась сверху, мои ноги обхватили его бёдра, и его руки снова накиннулись на меня. Две сильные ладони пробрались под моё платье и сжали ягодицы. Сильно, уверенно, так, что я вскрикнула от неожиданности и удовольствия.

И тогда я почувствовала его. Промежностью я ощутила огромную выпуклость в его джинсах. Твёрдую, горячую, такую явную, что у меня перехватило дыхание.

«Мамочки», — пронеслось в голове.

Я немного замерла, чувствуя, как внутри всё сжимается от смеси страха, возбуждения и незнания, что делать дальше.

Руслан заметил мою заминку. Он немного отстранился, заглянул мне в глаза, и его ладонь легла на мою щёку, чуть поглаживая.

— Почему ты нервничаешь, принцесса? — спросил он тихо, с хрипотцой. — Я не сделаю тебе больно.

Я сглотнула, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Я знаю, — выдохнула я. — Я знаю, что не сделаешь.

И мы снова начали целоваться. Яростно, жадно, как будто в последний раз. Я чувствовала его руки на своей спине, на своих бёдрах, и таяла в его объятиях. Всё было правильно.

Всё было так, как должно быть.

Но потом он оторвался от моих губ, откинул голову на спинку сиденья и выдохнул с такой мукой, что я почувствовала, как он дрожит.

— Я пиздец как тебя хочу, — сказал он хрипло. — Может, пригласишь к себе?

Я замерла. Внутри всё похолодело и одновременно вспыхнуло с новой силой. Я знала, что должна сказать. Знала, что этот момент настанет.

— Ааа... эээ... — начала я, чувствуя, как щёки заливают жаром. — Слушай, я должна тебе сказать, наверное...

— Что? — он нахмурился.

— Ну... у меня ещё не было...

Он приподнял бровь.

— Чего не было?

Я закусила губу и выпалила:

— Ну, этого самого.

— Секса? — переспросил он, и его лицо стало напряжённым.

— Ага, — пискнула я.

— Да? — он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах мелькает удивление. — Ничего не было?

— Да, — повторила я, чувствуя себя глупо и неловко.

Он откинулся головой на сиденье и приложил обе ладони к лицу.

— Ох, ебать, — выдохнул он в ладони. — Ох, ебать...

— Руслан? — позвала я, чувствуя, как внутри поднимается тревога. Я не понимала его реакцию. Злость? Разочарование?

Он убрал руки от лица, посмотрел на меня и спросил с плохо скрываемым напряжением:

— Что значит «ничего»? Совсем ничего? Вообще?

— Ну... — я замялась, не понимая, о чём он спрашивает.

— Что значит «вообще»? Руслан, ты о чём?

— Ну, другие варианты секса бывают, Юль, — сказал он, и в голосе проскользнула резкость. — Орал? Анал?

— О, боже! — воскликнула я, чувствуя, как краска заливает лицо. — Нет! Конечно, нет!

Я попыталась слезть с него, сесть на своё место, чувствуя себя неуютно и глупо. Мои руки дрожали, когда я поправила платье.

— Юль, — позвал он. — Извини. Я не хотел тебя напугать.

Я сидела, глядя прямо перед собой, и чувствовала, как внутри всё сжимается.

— Но я должен сказать тебе правду, — продолжал он. — Я не благородный мальчик, который будет ждать тебя годами. Я рассчитывал на секс и расход. Отношения — не для меня. Чисто секс, и всё. Я не думаю, что тебе такой расклад подходит.

Я сидела и дышала глубоко, пытаюсь успокоиться. Внутри всё бурлило, смешивались обида, страх и какая-то странная решимость.

— Я не питаю иллюзий по поводу своей девственности, Руслан, — сказала я, и голос мой прозвучал твёрже, чем я ожидала. — У меня ещё не было отношений не потому, что я такая нежная роза, которая ждёт того самого. Просто до тебя я никого не хотела. А тебя хочу.

Он удивлённо поднял бровь, смотря на меня.

— Потом истерик не будет, принцесса? — спросил он с осторожностью.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Не будет, — сказала я твёрдо. — Я не наивная дуручка. Я понимаю, кто ты и какая у тебя жизнь.

Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах исчезает напряжение, уступая место чему-то тёмному, опасному и манящему.

А потом он снова потянулся ко мне.

Его поцелуй был яростным. Он целовал меня так, будто хотел сожрать целиком, и я отвечала с той же страстью. Его рука нырнула под моё платье, скользнула по бедру и проникла в трусики. Я ахнула от его прикосновения, чувствуя, как его пальцы касаются того самого места, где было мокро и горячо.

— Ох, маленькая, — прошептал он с хрипотцой. — Ты с ума меняводишь.

Он начал двигать рукой, и я потеряла способность мыслить. Его пальцы скользили по мне, дразнили, ласкали, и я слышала только своё прерывистое дыхание и бешеный стук

сердца. Я кончила буквально через несколько минут — с искрами перед глазами и глухим стоном, который сорвался с губ.

Я открыла глаза. Руслан тяжело дышал, смотрел на меня, и в его глазах было что-то тёмное, голодное.

— Беги, кукла, домой, — выдохнул он, убирая руку. — Наберу.

— А... а ты? — выдавила я, чувствуя, как голос дрожит.

— Что «я»? — спросил он с усмешкой.

— Ну... это... ты же хочешь... — я покраснела до корней волос.

— Хочешь мне отсосать, Юль? — спросил он, и я увидела, как его губы растягиваются в лёгкой усмешке.

Я застыла, не зная, что ответить.

— Я шучу, — сказал он мягче. — Иди давай.

Я открыла дверь и вышла из машины. Ноги подкашивались, всё тело дрожало, а внутри всё ещё горел пожар, который разжёл он. Я шла к подъезду и чувствовала, как его взгляд прожигает мне спину.

Когда я вошла в квартиру, я прислонилась к двери и закрыла глаза.

Телефон завибрировал в сумке.

Я достала его и прочитала сообщение от Руслана:

«Позвоню завтра. Спокойной ночи, принцесса».

Я улыбнулась до ушей и прижала телефон к груди.

Глава 13

Утро началось с того, что будильник ворвался в тишину спальни резкой трелью. Я открыла глаза и сначала не поняла, где нахожусь, — сон был таким глубоким, таким бездонным, что реальность вернулась не сразу. Я удивилась самой себе: учитывая вчерашний вечер, который перевернул всё моё привычное восприятие мира, я ожидала, что буду ворочаться до рассвета, перебирая в памяти каждое мгновение, каждое прикосновение. Но нет. Сон пришёл мгновенно, накрыл меня с головой, и я провалилась в него, как в тёплую воду, без сновидений, без тревог.

Но стоило мне открыть глаза, как реальность ударила с новой силой. Картинки из машины вспыхнули перед глазами, словно это случилось только что: его руки на моём теле, уверенные и жадные одновременно, его губы, оставляющие дорожку от шеи к ключице, его голос — хриплый, низкий, почти рычащий, от которого у меня до сих пор мурашки бежали по коже. Я снова загорелась, чувствуя, как тепло разливается внутри, когда я вспоминаю, как сильно он меня хотел. Как его пальцы скользили по моей коже, вызывая электрические разряды, как я кончила от его прикосновений, позволив себе быть абсолютно уязвимой и одновременно невероятно сильной в своей женственности. Никогда раньше я не чувствовала себя такой желанной. Такой взрослой. Такой

живой.

Я полежала ещё немного, раскинув руки в стороны, глядя в потолок с дурацкой счастливой улыбкой. Солнце уже пробивалось сквозь щель в шторах, рисуя золотистую полосу на стене. Потом я потянулась и взяла телефон с тумбочки. Нужно было позвонить маме. Я набрала номер, прижимая трубку к уху, и услышала знакомый родной голос, от которого сразу стало спокойнее.

— Алло, мамуль!

— Юленька! — голос мамы был тёплым и родным. — Как дела? Ты не спишь уже? В такую рань!

— Нет, скоро на работу, — я перевернулась на спину и подтянула колени к груди, чувствуя себя маленькой девочкой в своей большой кровати. — Я хотела сказать, что определилась с датами. Через неделю у меня отпуск, и я смогу приехать к вам на недельку.

— Ой, доченька, как я рада! — мама прямо засветилась голосом, и я представила, как она сейчас стоит у плиты в своём цветастом фартуке, прижимая трубку плечом к уху. — Я уже соскучилась! Папа будет счастлив, он всё спрашивает, когда ты приедешь. Ты только скажи, каким рейсом, мы тебя встретим, я испеку твой любимый пирог с яблоками.

— Хорошо, я всё узнаю и напишу, — пообещала я, чувствуя, как на душе разливается предвкушение домашнего уюта.

Мы ещё немного поговорили: мама рассказывала про па-

пины новые увлечения, про то, как тётя Галя из соседнего дома устроила скандал с соседями, и про то, как у них в огороде на даче выросли огурцы — такие крупные. Я слушала её, улыбалась в трубку, и на душе было тепло и спокойно. Как будто я снова дома, в своей детской комнате, под пушистым одеялом, которое пахнет кондиционером и маминой заботой.

Пока мы болтали, телефон в моей руке пиликнул — короткая вибрация и значок сообщения на экране.

— Мам, я перезвоню позже, ладно? Мне нужно собираться на работу, а то опоздаю.

— Конечно, дочка! Целую тебя крепко-крепко!

— И я тебя! Передавай папе привет!

Я сбросила вызов и открыла сообщение. Сердце пропустило удар, а потом забилось быстрее, словно я пробежала марафон.

Руслан: «До сколько ты сегодня работаешь?»

Я улыбнулась до ушей, чувствуя, как щёки заливают румянец. Я соскочила с кровати, встала босиком на прохладный пол и быстро напечатала ответ, стараясь, чтобы он звучал легко и непринуждённо, хотя внутри всё трепетало.

Я: «Доброе утро, Руслан! Как всегда, до 22 часов».

Не успела я отложить телефон, как он появился в сети — зелёная точка загорелась почти сразу. Прочитал. И коротко ответил.

Руслан: «Понял».

И всё. Точка. Вышел из сети.

Я стояла посреди комнаты, глядя на экран телефона, как будто он мог выдать мне ещё что-то, если я буду смотреть достаточно пристально. Всё? Это всё? Он не скажет, приедет ли? Не напишет больше ни слова? Я закусила губу, чувствуя, как внутри закрадывается липкое сомнение, которое начало сворачиваться в тугий узел под ложечкой.

Я не выдержала и написала:

Я: «Ты приедешь?»

Он появился в сети. Секунда, две, три — и ответ.

Руслан: «Да. Заберу тебя после работы».

Я выдохнула так, словно задерживала дыхание целую минуту. Улыбка вернулась на лицо, и я облегчённо прижала телефон к груди.

Я: «Хорошо. Спасибо»))»

Он ничего не ответил. Снова просто исчез из сети.

День в кафе пролетел на удивление быстро. Воздух был наполнен звоном посуды, запахом кофе и жареного мяса, но я словно парила над всем этим. Геннадий был расслаблен — может быть, у него было хорошее настроение, а может, он просто выпил лишнего кофе. Он даже не придирался ко мне, только пару раз буркнул что-то про стойку, но это было так мило по сравнению с обычными его разносами.

— Юль, ты сегодня сияешь, — заметил Миша, когда я проходила мимо него с подносом. — Ты что выпалась?

Я только улыбнулась и промолчала.

— Так и есть! — воскликнул он. — Так может сегодня? Сегодня ходим в кино, пока ты в хорошем настроении?

— Миша, отстань, — сказала я, но в голосе не было злости, только лёгкое раздражение от его настойчивости. — Я занята.

— Ладно, злюка, — вздохнул он, но я видела, что он расстроен, как пёс, которому не дали вкусняшку.

Сегодня был банкет — праздновали день рождения, и мы с девчонками носились с заказами, стараясь успеть ко времени, чтобы гости не начали разносить нас в своём нетерпении. Я устала, ноги гудели, но приятная усталость смешивалась с предвкушением, от которого внутри всё пело: скоро он приедет.

В 22:07 я вышла из кафе, вдохнула прохладный ночной воздух и сразу увидела его машину. Чёрный внедорожник стоял у тротуара, чуть подрагивая на холостых оборотах, и Руслан сидел за рулём, повернув голову в мою сторону. Он смотрел на меня сквозь стекло, и даже в темноте я чувствовала его взгляд. Я подошла, и он потянулся, чтобы открыть дверь.

Я залезла внутрь, и меня сразу обволок его запах — тёплый, мужской, с нотками дорогого парфюма и кожи, такой знакомый и уже почти родной, хотя прошло всего ничего.

— Привет, Руслан, — сказала я, и внутри всё сжималось от радости.

— Привет, — ответил он.

Я потянулась к нему и быстро чмокнула его в губы. Коротко, легко, как делают это уже привычные друг к другу люди. Я хотела отстраниться, но он не дал. Его рука легла на мой затылок, пальцы запутались в волосах, и он притянул меня обратно. Поцелуй был уже не детским, не нежным — глубоким, взрослым, со вкусом вечернего кофе и с намёком на то, что будет дальше. Когда он отстранился, и его серые глаза смотрели на меня с той же жадностью, что и вчера.

— Поехали, — сказал он, заводя двигатель, и машина мягко тронулась с места.

Мы ехали молча, но это было комфортное молчание. В салоне тихо играла музыка — какая-то спокойная, расслабляющая мелодия с тягучими гитарными переборами. Я смотрела в окно на ночной город, на огни витрин и фар встречаемых машин, чувствуя, как его рука иногда касается моего колена, поглаживая через ткань джинсов, отчего по коже пробежали мурашки.

Он припарковался в моём дворе, заглушил двигатель, и на мгновение повисла тишина. Он вышел из машины, обошёл её, открыл мою дверь, а потом взял с заднего сиденья какой-то увесистый пакет. Ему не требовалось приглашения. Он уже знал, что его ждут. Он чувствовал это так же отчётливо, как и я.

Мы поднялись ко мне, и я открыла дверь своей квартиры. Руслан разулся, аккуратно поставил кроссовки у порога, прошёл на кухню и поставил пакет на стол. Стекло звякнуло

о стекло — я слышала, как бутылки соприкоснулись.

— Тут еда из ресторана и немного алкоголя, чтобы расслабиться, — сказал он.

— Тебе или мне? — спросила я с лёгким сарказмом, приподняв бровь, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к дверному косяку.

Он посмотрел на меня, и в его серых глазах мелькнула та самая тёплая усмешка, от которой у меня подкашивались колени. Он сделал шаг ко мне, сокращая расстояние, и я почувствовала, как воздух между нами становится гуще.

— Обоим, Юленька, — сказал он тихо, почти шёпотом, и его голос прозвучал как обещание. — Обоим.

Глава 14

Он начал доставать еду — ароматные контейнеры, которые пахли так вкусно, что у меня потекли слюнки ещё до того, как я увидела содержимое. Пластиковые коробочки одна за другой появлялись на столе: с запечённым мясом в медово-горчичной глазури, с овощами-гриль, с каким-то изысканным салатом, украшенным кедровыми орешками, и даже маленький контейнер с десертом, который он поставил в сторону с загадочной улыбкой. Я помогла ему накрыть на стол — мы расстелили салфетки, разложили приборы, и он открыл бутылку красного вина.

Мы сели друг напротив друга, и на мгновение между нами повисло то особенное ощущение домашнего уюта, когда два человека просто наслаждаются обществом друг друга, без лишних слов.

— Ты голодна? — спросил он, накладывая мне в тарелку щедрый кусок мяса и поливая его ароматным соусом.

— Ужасно, — призналась я, хватая вилку с такой жадностью, что он усмехнулся. — Весь день на ногах, даже поесть нормально не успела. Только перехватила бутерброд на бегу.

— Тогда ешь, — сказал Руслан. Он смотрел на меня так, будто я была самым вкусным блюдом на этом столе, — Потом будет десерт.

Я улыбнулась и начала есть, стараясь не думать о том, ка-

кой смысл он вложил в последнюю фразу. Еда была божественной — явно из дорогого ресторана, не из того, куда я могла бы позволить себе заглянуть даже по праздникам. Мясо таяло во рту, овощи были свежими и хрустящими, с лёгким дымным привкусом гриля. Я наслаждалась каждым кусочком, чувствуя, как голод, накопившийся за день, постепенно отступает, уступая место тёплому и приятному насыщению.

Мы болтали о всякой ерунде. О погоде, которая радовала летним теплом. О моей работе — о том, как Геннадий сегодня был на удивление сносным. О том, как прошёл мой день. Я рассказывала, смеялась, жестикулируя вилкой, чувствовала себя легко и свободно — рядом с ним я могла быть собой, не играя никакой роли.

Но когда я попыталась спросить о его дне, Руслан ловко переводил тему.

И когда я снова попыталась спросить его о работе, он просто пожал плечами и сказал:

— Рутина. Не хочу тебя утомлять.

И в его голосе прозвучало что-то такое, что заставило меня замолчать. Не холодность, нет. Скорее защита — он закрывался, как улитка в раковину, и делал это настолько мягко и естественно, что я сама не замечала, как мы уже говорим о чём-то другом. О том, как мне нравится запах после дождя, о том, какое вино я люблю, о том, как я в детстве боялась темноты и спала только с ночником. Он вытягивал

из меня воспоминания, как ниточки из клубка, и я позволяла ему это, потому что рядом с ним хотелось быть открытой нараспашку.

Мы закончили ужин, и я начала убирать посуду. Сгребла тарелки, отнесла в раковину, включила воду.

И вдруг я почувствовала его руки на своей талии. Он подошёл сзади, прижался ко мне всем телом — твёрдым, горячим, и я ощутила, как его дыхание обжигает мою шею. Его губы накрыли кожу там, где бился пульс — влажные, горячие, оставляющие дорожку из поцелуев, от которых по всему телу разбегались мурашки, как искорки от бенгальского огня. Я закрыла глаза и выдохнула, роняя губку в раковину.

«Ай, к чёрту посуду», — пронеслось в голове, и я повернулась к нему, обхватив его лицо ладонями. Наши губы встретились, и поцелуй был таким же голодным, как и всегда — он целовал меня так, будто хотел проглотить, будто боялся, что я вот-вот исчезну.

Он был таким высоким, что ему приходилось сильно наклоняться, чтобы целовать меня, но он делал это с такой страстью, что я забывала обо всём на свете. Существовал только он, его запах, его руки, сжимающие мои бедра.

Потом он подхватил меня под бедра и поднял — легко, как будто я ничего не весила. Мои ноги обхватили его талию, чувствуя, как мышцы его пресса напряжены под моими бедрами, и понёс меня. Каждый его шаг отдавался во мне дрожью предвкушения.

Он опустил меня на кровать — я мягко упала на одеяло, — и навис сверху, заслоняя собой свет. Его руки начали растёгивать пуговицы на моей рубашке, и я смотрела, как одна за другой они поддаются его пальцам, как ткань раздвигается, открывая мою кожу воздуху и его взгляду.

И вдруг я почувствовала себя неловко. Смущение накрыло меня, как холодная волна, хотя секунду назад я плыла. Я была в лифчике и джинсах под ним, его губы уже касались холмиков моей груди, оставляя влажные следы на кружеве, а я всё думала о том, что весь день была на работе, бегала с подносами, пропотела, пахла кухней и возможно чем-то еще. И что он — такой идеальный, такой уверенный — видит меня, как я есть, в самом неидеальном виде...

— Руслан, — прошептала я, касаясь его плеча. — Подожди, пожалуйста. Я хочу сходить в душ.

Он поднял голову, и я увидела его глаза — в них горел тот самый пожар, от которого у меня перехватывало дыхание. Его грудная клетка тяжело вздымалась, я чувствовала, как его тело дрожит от напряжения.

— Принцесса, — сказал он хрипло. — У меня стоит так, что это вообще не важно.

Он потянулся ко мне, но я мягко упёрлась ладонью в его грудь, чувствуя под пальцами твёрдые мышцы и учащённое сердцебиение.

— Мне правда нужно, — настаивала я, и в голосе моём звучала мольба. — Я быстро, честно. Пять минут, и я твоя.

Он зажмурился, сильно выдохнул, уронил голову на моё плечо и на мгновение замер. Я слышала его дыхание у своей шеи, чувствовала, как он борется с собой. А потом он убрал руки и откатился в сторону, тяжело дыша.

— Ладно. Беги. Но если ты задержишься больше чем на пять минут, я приду за тобой, — сказал он, и в голосе его прозвучала улыбка, хотя я видела, как ему трудно.

Я соскочила с кровати и пулей влетела в ванную. Никогда в жизни я не мылась так быстро. Вода — горячая, почти обжигающая — хлестала по телу, смывая с себя день и его запахи, я намыливалась так яростно, будто от этого зависела моя жизнь. Пять минут. Я схватила халатик, который предусмотрительно оставила на крючке — шёлковый, нежно-розовый, с кружевной отделкой, который я купила на распродаже полгода назад и ни разу не надевала. Он был невинно-сексуальным, и я знала это, но сегодня именно этого мне и хотелось. Я вышла из ванной, чувствуя себя свежей и чистой.

Руслан лежал на кровати, приподнявшись на локте, и смотрел в телефон. Увидев меня, он тут же отложил его и потянул ко мне руки.

— Иди-ка сюда, — сказал он низко, и голос его был как приказ, от которого невозможно отказаться.

Я подошла, и он схватил меня за руку, потянул на себя. Я упала в его объятия на мягкую постель, и в ту же секунду мой халат улетел куда-то в сторону, оставляя меня полностью обнажённой перед ним. Он быстро снял свою футбол-

ку, и я на мгновение замерла, глядя на его торс. Широкие плечи, мощная грудь, рельефные мышцы, покрытые лёгкой светлой растительностью, которая при свете лампы отливала золотом. И шрамы. Множество шрамов — старые, почти белые линии, которые пересекали его тело, как карта неизведанных дорог. Один начинался у ребра и уходил куда-то вниз, другой пересекал плечо, ещё один был возле ключицы.

Я хотела спросить о них, но не успела.

Он накинута на меня с поцелуями — жадными, глубокими, от которых у меня кружилась голова. Его руки сжимали и разжимали мою грудь, пальцы касались сосков, и я выгибалась под ним, чувствуя, как внутри разгорается огонь с новой ошеломляющей силой. Его губы переместились на мою грудь — он облизывал и сосал соски, и я стонала, не в силах сдерживаться, вцепившись пальцами в его плечи. Его руки гладили мои бедра, сжимали их, поднимали выше, оглаживали внутреннюю поверхность ног, и я чувствовала, как его пальцы касаются меня там, где я уже была влажной и готовой.

— Ты такая красивая, что пиздец, — хрипел он, и дыхание его было прерывистым, срывающимся.

Он расстегнул свои джинсы, стянул их вместе с боксерами, и я увидела, как распирает его член. Огромный, твёрдый, с пульсирующей жилкой — мне было страшно на него смотреть, но в то же время не могла отвести взгляд. Он был таким большим, что у меня перехватило дыхание. «У большо-

го мужика — большой член. Какое клише», — подумала я, пытаюсь справиться с нарастающей паникой.

Он взял мою руку и положил на свой член — горячий, шелковистый на ощупь.

— Попривыкай немного, принцесса, — сказал он, и в голосе его звучала усмешка, смешанная с хрипотой.

Я лежала под ним, полностью голая, чувствуя себя одновременно смущённой до красноты в щеках и безумно возбуждённой. Его засосы горели на моей шее и груди — я знала, что утром они будут видны, и мне было всё равно. Он двигался ко мне, уже почти накрыв меня своим телом, готовый войти в меня, и я затаила дыхание, чувствуя, как его член касается моего влажного входа...

И тут зазвонил его телефон.

Руслан замер. В его глазах мелькнула досада, смешанная с яростью — такая мгновенная, что я испугалась. Его челюсть сжалась, и он на мгновение закрыл глаза, делая глубокий вдох.

— Блядь, — выдохнул он, отрываясь от меня и потянувшись к тумбочке, где лежал телефон. Он посмотрел на экран, и я видела, как его лицо меняется — напряжение, которое секунду назад было сексуальным, превращалось в боевое. Стальным становился взгляд, стальными становились линии губ.

— Слушаю, — сказал он в трубку уже совсем другим голосом — серьёзным, офицерским, не терпящим возражений.

Он слушал, и я видела, как его глаза сужаются, как пальцы сжимают телефон до побелевших костяшек.

— Что значит прямо сейчас? — переспросил он резко, и голос его резал воздух, как лезвие.

Кто-то на том конце говорил быстро, настойчиво — я слышала отрывистые звуки голоса, но не могла разобрать слов.

— Понял, — отрезал он. — Ничего не предпринимать. Скоро буду. Ждите.

Он бросил телефон на кровать, не глядя, и уронил голову мне в шею. Я чувствовала, как он тяжело дышит, как его тело дрожит от напряжения, как мышцы спины напряжены до предела. Его член всё ещё был твёрдым и прижимался к моему бедру.

— Чёрт, маленькая, — выдохнул он, и голос его был глухим, полным разочарования. — Мне срочно нужно уехать.

— Сейчас? — переспросила я, а внутри всё обрывалось, в груди становилось пусто и холодно.

Он поднял голову и посмотрел на меня. В его глазах была такая мука из-за того, что мы не закончили. Он провёл ладонью по моей щеке, и прикосновение его было нежным, почти ласковым, таким контрастным с тем, что было секунду назад.

— Да. Сейчас. Если бы не это, меня бы от тебя хер оторвали. Из тебя. — Он усмехнулся, но улыбка получилась кривой и горькой. — Ты даже не представляешь, как мне тяжело уходить.

Он встал с кровати, и я увидела, как его тело всё ещё напряжено, как ему трудно. Он быстро натянул боксеры и джинсы, застегнул их и поморщился от прикосновения ткани к возбуждённому члену. Надел футболку, провёл рукой по голове, приводя мысли в порядок. Я сидела на кровати, прикрываясь халатом, и чувствовала себя очень растерянной.

Он уже был у двери, но остановился и обернулся. Посмотрел на меня — на мои растрёпанные волосы, на засосы на шее, на то, как я сжимаю халат у груди. Подошёл ко мне, наклонился и поцеловал в лоб — долгим, тёплым поцелуем, от которого у меня защипало в глазах.

— Спокойной ночи, — сказал он и пошел на выход.

Дверь закрылась. Через несколько минут я услышала, как за окном завелся двигатель, и машина уехала.

Я осталась одна.

Сидела на кровати, прижимая к груди шёлковый халат, и смотрела на закрытую дверь. В голове было пусто и звонко. Эйфория ушла, оставив после себя странную, тягучую пустоту, которая заполняла каждую клеточку моего тела. Я вдруг почувствовала, что замёрзла, хотя в комнате было тепло.

Я легла на подушку, которая всё ещё пахла им — его парфюмом, его кожей, его возбуждением, — и уткнулась в неё носом. Глаза щипало, но я не плакала. Я просто лежала и смотрела в потолок.

«Это только начало, — сказала я себе, перебирая в памяти его голос, его прикосновения, его глаза. — У него работа. Успокойся, Юля! Такая работа! Я знала, на что иду, когда согласилась на это».

Но внутри всё равно было грустно. И холодно без него.

Я долго не могла уснуть, глядя на телефон в надежде, что он напишет. Снова и снова я брала его в руки, проверяла, не пришло ли сообщение, открывала наш диалог.

Но телефон молчал. Экран оставался тёмным, и в комнате было тихо, только часы тикали на стене, отсчитывая минуты моего одиночества.

Глава 15

Я проснулась полностью разбитой.

Тело казалось чужим, тяжёлым, будто я вообще не спала — как будто всю ночь меня перекатывали по камням. Голова гудела, в висках стучало мерзко и навязчиво, а внутри, под рёбрами, зияла холодная пустота. Та самая пустота, которая появляется, когда ждёшь чего-то важного, а оно не приходит.

Первым делом, даже не открывая глаз до конца, я схватилась за телефон. Пальцы дрожали, когда я нажимала на кнопку, чтобы разблокировать экран.

Никаких пропущенных звонков. Никаких сообщений. Ничего.

Ноль. Абсолютный ноль.

Я уставилась на пустой экран, чувствуя, как настроение падает ниже плинтуса, ниже самого дна. Где-то в груди начинал закручиваться тугой ком — тот самый, который обычно предшествует слезам. Я зажмурилась, сильно сжала веки, прогоняя непрошенную влагу. Нет. Я не буду плакать. Я не буду плакать из-за мужчины, которого знаю меньше недели. Ничего плохого не случилось. Не случилось же?

Но внутри всё сжималось, и каждый вдох давался с трудом. Я лежала, глядя в потолок, и думала о нём. О том, как он смотрел на меня вчера — этим голодным, жадным взглядом. О том, как целовал — так, будто я была самым ценным,

что у него есть. О том, как его руки касались моего тела, как его пальцы оставляли на моей коже огненные следы. О том, как он шептал моё имя хриплым голосом. И о том, как он ушёл, даже не сказав, когда вернётся. Просто исчез, оставив меня одну с моими мыслями и моим разбитым ожиданием.

Я заставила себя встать. Ноги были ватными, голова кружилась, но я побрела в душ. Горячая вода — почти обжигающая — полилась на плечи, и я стояла под ней, закрыв глаза, пытаюсь смыть с себя эту липкую тревогу.

Горячая вода немного помогла — мышцы расслабились, голова перестала так сильно болеть, — но не до конца. Внутри всё равно оставался этот противный холодок, который не уходил даже под струями кипятка. Я стояла, уткнувшись лбом в кафельную стену, и думала о нём. О том, что он, возможно, вообще не собирается мне писать. О том, что я для него — просто забавное приключение, которое закончилось, как только за ним закрылась дверь. Он же сказал, что у нас ничего серьёзного.

От этих мыслей становилось только хуже.

Я выключила воду, вытерлась полотенцем, накинула халат и поплелась обратно в комнату. Тяжело села на край кровати, мокрая, уставшая от тревоги и недосыпа. И тут телефон зазвонил.

Дребезжащий, громкий звук разорвал тишину, и я подскочила как ужаленная. Сердце подпрыгнуло куда-то в горло, дыхание перехватило. Не помня себя, я бросилась к тум-

бочке, споткнулась о ножку кровати и ударилась ногой так сильно, что вскрикнула от боли — острая, режущая боль пронзила ступню. Но я даже не обратила на это внимания, схватила телефон дрожащими руками и с надеждой, почти молитвой, посмотрела на экран.

Имя: «Анька».

— Ну бли-и-ин! — выдохнула я с раздражением, чувствуя, как внутри всё обваливается снова. — Ну какого чёрта?

Я приняла вызов, стараясь, чтобы голос звучал нормально, хотя на глазах снова выступили слёзы — теперь уже от боли и разочарования.

— Алло!

— И тебе доброе утро, подружка! — голос Ани был весёлым и звонким, как колокольчик. — Ты чего такая резкая? Не с той ноги встала или кто-то испортил настроение?

Я посмотрела на свою ноющую ногу — на ступне уже начинал наливаться синяк, и вздохнула.

— Да так... Ударилась, пока бежала к телефону. Думала, там что-то важное, а там ты, — попыталась пошутить я, но шутка получилась плоской и не смешной.

— Ой, прости! — засмеялась она. — Я просто хотела узнать, что ты делаешь сегодня! У меня для тебя сюрприз!

Я задумалась. Планов не было. Вообще никаких. Только тупая, гложащая надежда, что Руслан позвонит. Но он не звонил и не писал. И, судя по всему, не собирался.

— Пока ничего, — ответила я, чувствуя, как голос предательски дрожит.

— Отлично! — Анька буквально засветилась голосом. Я представила, как она сейчас сияет, хлопая в ладоши. — Тогда давай встретимся! Я хочу познакомить тебя с Семёном! Помнишь, я рассказывала о парне из клуба? Мы встречаемся, он такой классный! Ты должна его увидеть!

Я поморщилась, хотя она не могла этого видеть. Мне совсем не хотелось никуда идти. Хотелось лечь на диван, накрыться пледом с головой и смотреть глупые сериалы, пока не перестану чувствовать эту противную пустоту.

— Ань, может быть, в другой раз? — попыталась я отказаться, и в голосе моём звучала настоящая мольба. — Я не очень хорошо себя чувствую.

— Юля! — возмутилась она, и в её голосе послышались капризные нотки. — Ты обещала! Ты сказала, что мы встретимся, пока ты не укатила домой! Я уже сказала Семёну о тебе, что мы сегодня знакомимся. Не подводи меня, пожалуйста! Ты же моя лучшая подруга!

Я вздохнула. Спорить с Анькой было бесполезно, когда она в таком состоянии. Она всегда была слишком восторженной, слишком доверчивой, слишком влюбчивой. Я была знакома со всеми ее возлюбленными. Все они были со слов Аньки «самыми лучшими». И если она уже решила, что Семён — её судьба, переубедить её было невозможно.

— Ладно, — сдалась я, чувствуя, как внутри всё сжимает-

ся от нежелания. — Давай в 14:00 в нашем любимом кафе?
— Супер! — радостно выкрикнула она. — Я тебя обожаю!
До встречи!

И сбросила вызов.

Я отложила телефон и несколько минут сидела неподвижно, глядя на ноющую ногу. Синяк расплывался, становился фиолетовым, но боль была где-то далеко, на периферии. Гораздо сильнее болело внутри.

А потом меня как будто пробило. Я взяла телефон, открыла диалог с Русланом и долго смотрела на последнее сообщение. Палец завис над клавиатурой. Надо ли писать? А вдруг он занят? А вдруг я буду выглядеть навязчивой? Но внутри всё кричало: «Напиши! Узнай! Не молчи!»

Я храбро набрала: «Привет, Руслан. Как твой срочный вызов? Всё хорошо?» — и, зажмурившись, нажала «отправить».

Сердце колотилось. Я смотрела на экран, не дыша. Он появился в сети — зелёная точка загорелась почти сразу. Я видела, как он прочитал сообщение. Видела, как две галочки стали синими. Я ждала. Секунда. Две. Три. Десять.

И он вышел. Ничего не ответил.

Я смотрела на экран, чувствуя, как настроение падает ещё ниже, куда-то в самую бездну. Комок в горле стал таким большим, что я едва могла дышать. Мне хотелось плакать в голос. Хотелось швырнуть телефон в стену, чтобы он разлетелся на куски. Хотелось, чтобы он ответил. Хотя бы что-то.

Всё что угодно, лишь бы не это молчание, которое резало сердце острее ножа.

Мысли крутились в голове, как белки в колесе, и каждая была хуже предыдущей.

В 14:00 я сидела в кафе, которое мы с Анькой обожали — маленькое, уютное, с мягкими диванами и вкуснейшими десертами, которые таяли во рту. Здесь всегда пахло свежей выпечкой и кофе, играла тихая джазовая музыка, и казалось, что все проблемы остаются за дверью. Но сегодня даже это место не могло поднять мне настроение.

Я заказала зелёный чай, который быстро остыл в моих руках, и сидела, задумчиво глядя в окно на прохожих, когда они вошли.

Анька была в ярком платье — красном, с оборками, — с распущенными вьющимися волосами, сияющей улыбкой и глазами, которые буквально светились счастьем. Она вцепилась в руку высокого парня, будто боялась, что он сбежит, и шла рядом с ним с видом человека, который нашёл сокровище всей жизни.

Семён был высоким, под два метра, темноволосым, с нагловатой улыбкой, которая не касалась глаз, и самоуверенной походкой человека, который привык получать всё, что захочет. Он не смотрел на Аньку — он смотрел на других девушек в кафе, оценивая и нагло, изучая их фигуры как товар на витрине.

— Юля! — Анька подбежала ко мне и обняла, чуть не

опрокинув мою чашку с чаем. — Привет! Выглядишь классно!

Я улыбнулась ее явной лести. Сегодня я надела джинсы и простую белую блузку, даже макияж сделала минимальный — только тушь и блеск для губ. Мне было всё равно.

— А это Семён! — представила Аня, отходя в сторону и жестом показывая на него, как на главный приз.

— Привет, — сказал он, кивая мне, но в глазах не было тепла. Он уже оглядывал помещение, будто искал кого-то более интересного. Официантку, соседку за столиком, кого угодно, только не нас.

— Приятно познакомиться, — ответила я, стараясь быть вежливой.

Мы сели за столик. Анька уселась рядом с Семёном, прильнула к нему, положив голову на плечо, и поглаживала его руку. Он не обнял её в ответ — просто сидел, откинувшись на спинку дивана, как король, которому все обязаны прислуживать.

— Мы заказали столик заранее, — щебетала Анька. — Здесь всегда большой ажиотаж, Сем! Очень сложно попасть, если не бронировать!

— Ага, — равнодушно ответил он, даже не глядя на неё. Он взял меню, пролистал его с пренебрежительным видом и бросил на стол, как ненужный мусор.

— Девочки тут симпатичные, — сказал он вслух, и я увидела, как его взгляд скользнул по девушке за стойкой.

Анька на мгновение смутилась — в её глазах мелькнула тень паники, — но тут же улыбнулась, как будто стёрла это выражение с лица.

— Ты такой забавный, — сказала она, поглаживая его по руке. — Вечно шутишь.

Я сидела и чувствовала, как внутри всё закипает. Он ведёт себя как хам, как последний нахал, а она не замечает? Или делает вид, что не замечает? Я видела, как она прикусывает губу, когда он смотрит на других, как она сжимает пальцы на его рукаве. Она терпит. Но зачем она терпит?

— Ань, ты хочешь что-то заказать? — перебила я, стараясь перевести разговор и спасти ситуацию. Тем более к нам подошла официантка.

— Да! Хочу чего-нибудь сладенького, — она взяла меню, но Семён перебил её, даже не дав открыть.

— Мне принеси двойной эспрессо. Чёрный. Без сахара. Девушке салат. Не стоит ей налегать на сладкое. И побыстрее, мы не любим ждать.

Я посмотрела на Аньку. Она улыбнулась и повторила его заказ официантке, даже не глядя в меню, даже не сказав, что хочет сама. Как будто её собственные желания перестали существовать. Я сидела в глубочайшем шоке от всей этой ситуации. Но Аня сделала вид, что все хорошо.

Разговор не клеился. Семён постоянно отвлекался — смотрел на проходящих мимо девушек, зевал, когда Анька что-то рассказывала, и даже пару раз глянул на часы, будто

скупал. А она продолжала прижиматься к нему, виснуть на его плече, что-то щебетать про работу, про планы на выходные. Её глаза горели такой преданной любовью, что у меня сжималось сердце от несправедливости. Неужели она не видит, какой он неприятный? Неужели она не чувствует, что он ею пользуется? Нужно будет с ней поговорить...

— Юль, а ты как? — Анька вдруг посмотрела на меня, и в её взгляде мелькнула искренняя забота. — Ты какая-то грустная сегодня.

— Всё нормально, — ответила я сухо, отводя глаза. — Скоро поеду навестить родителей. Жду отпуска.

— Это же хорошо. Но ты правда выглядишь не очень, — заметила она, и в голосе её послышалась тревога. — У тебя что-то случилось?

— Нет, — соврала я. — Просто устала на работе.

Семён хмыкнул, и это прозвучало насмешливо и грубо.

— Видимо, мужик бросил, — буркнул он, и внутри у меня всё вспыхнуло от злости. Кровь прилила к щекам, пальцы сжались в кулаки под столом.

— Семён! — возмутилась Анька, но в голосе слышалась мольба, а не злость. — Юля, он просто шутит, это юмор такой, правда?

Он удивлённо поднял бровь, пожал плечами и хмыкнул, отводя взгляд.

Я промолчала, но внутри всё кипело. Анька слепа. Или хочет быть слепой. Что вообще происходит с ней? Моя по-

друга — яркая, красивая, умная девушка — вешается на какого-то придурка, который даже не смотрит на неё. Я хотела закричать ей: «Очнись! Ты заслуживаешь большего!», но знала, что это бесполезно. Влюблённые не слышат голос разума.

Мы просидели ещё час. Я старалась быть вежливой, улыбаться, кивать, хотя на душе было гадко. Семён продолжал вести себя нагло, а Анька продолжала таять от каждого его слова, даже когда они были откровенно грубыми. Когда он сказал ей, что «у неё сегодня отвратное платье», она засмеялась и пообещала, что больше его не будет надевать. Чего...?

Когда они ушли — Семён даже не попрощался нормально, просто кивнул и вышел, а Анька побежала за ним, как щенок, — я сидела одна, глядя в чашку с остывшим зелёным чаем. На поверхности плавали одинокие листики, и я смотрела на них.

«Не тебе судить об отношениях, Юль, — сказала я себе горько. — Твой единственный мужик, который тебе понравился, сбежал посреди ночи и не отвечает на сообщения. Ты даже хуже, чем Анька. Она хотя бы счастлива. А ты? Ты просто глупая девочка, которая корчит из себя непонятно кого. "Секс без обязательств — супер!" — да? А сама влипла в загадочного сероглазого мужчину и теперь страдаешь».

Я допила холодный чай, расплатилась и пошла домой. Каждый шаг давался с трудом — нога всё ещё болела от утреннего удара, но гораздо большее было в груди.

Вечер прошёл в тягучей, липкой тоске, которая обволакивала меня, как паутина. Я поужинала в одиночестве — наспех разогрела вчерашнюю еду, но есть почти не могла,ковырялась вилкой, глядя в тарелку. Перебирала в голове все события последних дней, и чувствовала себя всё более потерянной.

Я заставила себя лечь спать, надеясь, что завтра будет новый день, что он позвонит, что всё наладится. Укрылась одеялом, зажмурилась, стараясь прогнать мысли.

Но среди ночи я проснулась от странного звука.

Тук-тук-тук.

Кто-то стучал в дверь.

Я села на кровати, прислушиваясь. Сердце бешено заколотилось в груди, холодный пот выступил на спине. Кто это может быть в такое время? Воры? Соседи? Или...

Тук-тук-тук.

Стук повторился. Настойчиво, негромко, но отчётливо. В тишине ночи он звучал как выстрел.

Я взяла телефон — и замерла. Время — 02:54. На экране висело новое сообщение. Я не слышала, как оно пришло, не видела уведомления. Но оно было.

От Руслана.

Два слова. Простые. Короткие. От которых у меня перехватило дыхание:

«Открой дверь».

Я спрыгнула с кровати и, не чувствуя холода, не чувствуя

боли в ушибленной ноге, не чувствуя ничего, кроме бешеного стука сердца, которое готово было выпрыгнуть из груди, побежала к двери...

Глава 16

Я даже не посмотрела в глазок. Даже не задумалась о том, что кто-то другой может стоять за дверью в три часа ночи. Внутри что-то щёлкнуло — какое-то первобытное, инстинктивное узнавание, — и я просто повернула замок и рывком распахнула дверь.

Он стоял на пороге.

Руслан.

В своей форме — такой же, как при нашей первой встрече, только без балаклавы. Чёрная тактическая одежда облегла его мощную фигуру, влажные от ночного воздуха волосы, а в серых глазах горел тот самый огонь, который мне так нравился. Он выглядел уставшим, но при этом каким-то диким, опасным, словно только что вернулся с поля боя.

Он медленно перешагнул порог, зашёл в квартиру и бесшумно закрыл за собой дверь. Кинул на пол свою дорожную сумку. Щелчок замка прозвучал в тишине как выстрел.

Мы стояли друг напротив друга в полной темноте прихожей. Я слышала только его дыхание — тяжёлое, сбитое — и стук собственного сердца, который, казалось, был слышен на всю квартиру. Лунный свет пробивался сквозь щель в шторах, выхватывая из темноты его глаза, его скулы, его сжатые губы.

Он сделал шаг. Потом ещё один. А потом резко схватил

меня за плечи и припечатал спиной к двери. Я не успела даже вскрикнуть — его губы накрыли мои, и мир перевернулся.

Это был не просто поцелуй. Это было безумие. Дикое, всепоглощающее, жадное. Он целовал меня так, будто хотел проглотить, будто мы не виделись целую вечность. Его руки сжимали мою талию, притягивая к себе, и я чувствовала, как его тело горит, как мышцы напряжены, как он дрожит от сдерживаемого желания.

И я отвечала. С той же страстью, с тем же голодом. Я запустила пальцы в его короткие влажные волосы, притягивая его ближе, и целовала его так, будто от этого зависела моя жизнь. Все мои печали, вся тревога, все сомнения и переживания этого долгого, мучительного дня — всё это растворилось, исчезло, сгорело в огне его поцелуя.

Я даже не помнила, о чём я переживала весь день. О том, что он не ответил? О том, что я чувствовала себя брошенной? О том, что сомневалась в себе и в нём? Всё это казалось таким мелким, таким неважным, таким далёким. Сейчас существовали только он, его губы, его руки, его дыхание.

Он оторвался от меня внезапно. В темноте блестели его глаза, и на губах играла та самая хитрая, тёплая улыбка, от которой у меня подкашивались колени.

— Теперь мне нужно в душ, принцесса, — сказал он хрипло, и голос его был низким и тихим. — От меня то точно воняет. Я пахну как боец после схватки.

Я хихикнула, всё ещё пытаюсь отдышаться, чувствуя, как

горят щёки.

Он отпустил меня, сделал шаг назад, но тут же протянул руку и взял меня за ладонь. Его пальцы переплелись с моими, и он потянул меня за собой, направляясь в ванную.

Я едва поспевала за ним, чувствуя, как внутри всё трепещет. Мы зашли в ванную комнату, и я включила свет. Белый свет резанул по глазам, и я на мгновение зажмурилась.

— Эм... душ вот, — сказала я, показывая рукой. — Полотенце вот, можешь взять. Мыло, гель для душа — всё там, на полке. Если хочешь, я принесу чистое...

Он не слушал. Вообще. Он смотрел на меня с такой интенсивностью, что слова застревали у меня в горле. А потом он медленно, не торопясь, начал раздеваться.

Сначала снял чёрный жилет и амуницию — бросая все прямо на пол, не глядя. Потом стянул через голову футболку, и я увидела его торс. Потом расстегнул ремень, и пряжка звякнула о кафель. Штаны упали на пол, и он перешагнул через них, оставаясь в одних боксерах.

Я стояла, приоткрыв рот, и не могла отвести глаз. Внутри всё сжималось и пульсировало, когда я смотрела, как он двигается — плавно, уверенно, как хищник, который знает, что на него смотрят.

Когда он остался полностью голым, я резко отвернулась, чувствуя, как кровь приливает к щекам, как всё тело покрывается мурашками.

— Я... я пойду, — пробормотала я, делая шаг к двери,

чтобы не мешать ему, чтобы дать ему пространство. — Не буду тебе мешать...

Но он не дал мне уйти. Его рука схватила меня за запястье, и он развернул меня обратно.

— погоди, — сказал он, и голос его был низким, почти шёпотом.

Он наклонился, открыл дверцу душевой кабинки, включил воду и долго настраивал её, проверяя температуру ладонью. Когда вода стала идеально тёплой, он повернулся ко мне, протянул руку и помог мне переступить бортик. Он не стал меня раздевать. Я зашла, как есть в сорочке.

Вода хлынула на меня, мгновенно намочив тонкую ткань, которая тут же прилипла к телу, делая его прозрачным. Я стояла под струями, вода стекала по лицу, по волосам, по груди. А он стоял снаружи, опершись рукой о стеклянную дверцу, и смотрел на меня. Будто я была произведением искусства, будто он изучал каждую линию моего тела, каждую каплю воды на моей коже.

Искры из его серых глаз, казалось, летели в разные стороны, прожигая меня насквозь.

Он тоже переступил бортик, и вода теперь хлестала и по его телу. Вода стекала по его груди, по рельефным мышцам живота, по бёдрам.

— Так что ты там говорила про гель для душа, хозяйка? — спросил он шутливо.

— А-а... да... сейчас, — залепетала я. Я протянула дро-

жащую руку к полке, взяла флакон с гелем и протянула ему.
— Вот, держи.

Но он не взял. Он просто смотрел на меня, чуть прищурившись, и улыбался.

— Поможешь? — спросил он тихо, и в его голосе не было просьбы — было требование, от которого я не могла отказать.

— Э-э... ладно, сейчас, — пробормотала я, чувствуя, как пересыхает в горле.

Я выдавила гель себе на ладонь, потерла, чтобы он стал тёплым, и поднесла руки к его груди. Начала мыть её — медленно, нежно, чувствуя под пальцами твёрдые мышцы, влажную кожу, учащённое биение его сердца. Он стоял неподвижно, только дышал глубже, но я видела, как напряжено его тело, как сталь.

— Руки, — сказала я, и он послушно поднял их, позволяя мне провести ладонями по его рукам, по плечам, по предплечьям.

— Обернись, — попросила я, и он повернулся, показывая мне свою широкую спину. Я провела руками по его лопаткам, по позвоночнику, вниз, до поясницы, чувствуя, как его мышцы подрагивают от моих прикосновений. Вода стекала по его спине, смешиваясь с гелем, и я смотрела, как она сбегает вниз, по его ягодицам, по бёдрам.

Он снова повернулся ко мне. Поднял руки, взял мои ладони в свои и медленно, не торопясь, опустил их вниз, пока

мои пальцы не коснулись его твёрдого члена.

— Тут тоже нужно, — сказал он хрипло, и его голос прозвучал как приказ, от которого у меня внутри всё оборвалось.

Я залилась краской так сильно, что, казалось, даже вода не могла скрыть моего смущения.

Я начала двигать рукой — медленно, неуверенно, нежно поглаживая его, изучая. Он был твёрдым, горячим, пульсирующим под моими пальцами. Я провела пальцем по головке, по влажной коже, и он зажмурился, сжав челюсть так сильно, что на скулах выступили желваки.

Я смотрела вниз, на его эрегированный член в своей руке, и в голове крутились только одни мысли: правильно ли я делаю? Приятно ли ему? Может быть, я слишком груба?

Я подняла глаза и встретила с ним взглядом.

— Я всё правильно делаю?

— Да, принцесса, — выдохнул он, и голос его был сорванным, хриплым. — Можешь сжать немного сильнее.

Я сжала пальцы чуть крепче, и он дёрнулся навстречу моей руке. Я начала двигаться быстрее, чувствуя, как внутри разгорается что-то тёмное и горячее.

Он чуть склонился ко мне, и его рука проскользнула между моих ног. Его пальцы коснулись меня там, и я сразу ахнула, прикусив губу, чтобы не застонать громко.

— Тш-ш, — прошептал он, но это было похоже скорее на рык.

Я чувствовала его пальцы, скользящие по моему клитору, чувствовала его член в своей руке, чувствовала воду, стекающую по нашему сцепленному телу, и мир сузился до размеров этой душевой кабинки. Я уже была на грани, уже чувствовала, как внутри нарастает волна, готовая разбиться...

И вдруг всё закончилось.

Он резко убрал руку, и я вскрикнула от неожиданности, когда отстранил мои руки от своего тела. Он отступил на шаг.

— Хватит, — сказал он хрипло. — Ещё немного — и я не сдержусь. Трахнемся прямо тут.

Он быстро обмылся, провёл руками по лицу, смывая мыло, и шагнул из душа. Схватил большое пушистое полотенце и быстро вытерся, не обращая внимания на капли, стекающие по его телу.

Потом протянул руку и помог мне выйти. Снял мокрую тряпку с моего тела. Накинул полотенце на мои плечи и начал вытирать меня — сначала лицо, потом волосы, потом тело, аккуратно, нежно, словно я была из стекла. Я стояла, глядя в его глаза, и чувствовала, как внутри всё тает.

Он закончил, отбросил полотенце в сторону, а потом подхватил меня на руки. Я обхватила его за шею, прижимаясь к его тёплому, влажному телу, и он быстрым, спешным шагом понёс меня в постель.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.